

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ И ЕГО СОЧИНЕНІЯ

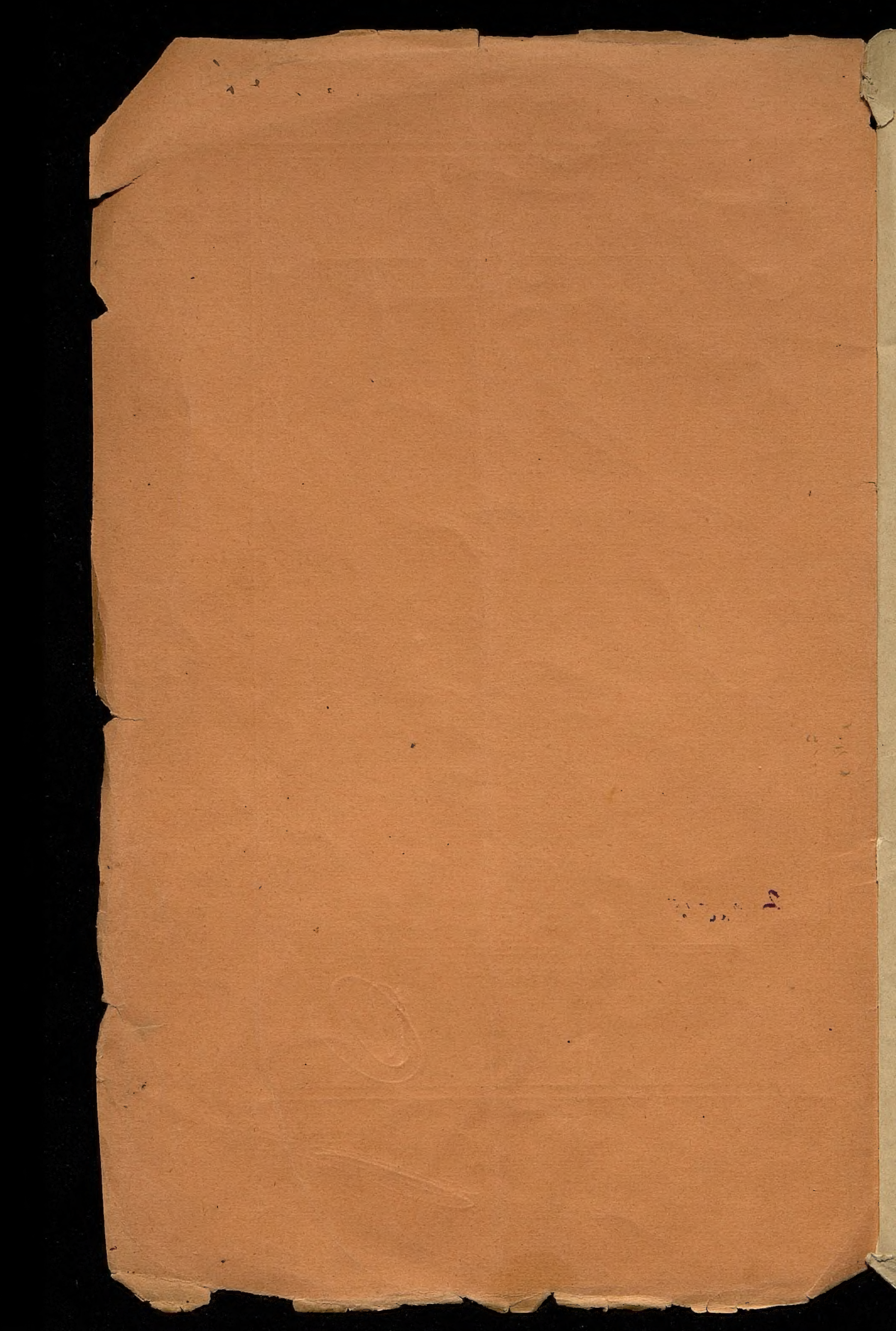
(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ).

I.

Н. Булича.

КАЗАНЬ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.
1881.

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ И ЕГО СОЧИНЕНІЯ

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ).

I.

Первая литературная дѣятельность

(1845—1849).

Рѣчь на актѣ Императорскаго Казанскаго Университета 5 ноября 1881 года, читанная заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ

Н. Буличемъ.

КАЗАНЬ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.
1881.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета.

Ректоръ *Н. Ковалевскій.*

28 января настоящаго года въ Петербургѣ умеръ писатель Достоевскій и вѣсть о его кончинѣ, неожиданной для его близкихъ, посреди усиленной литературной дѣятельности, быстро разнеслась по всей Россіи, вызывая вездѣ къ покойному такія глубокія симпатіи читающаго и думающаго общества, какія прежде никогда не сопровождали въ могилу русскаго писателя. Выносъ тѣла покойнаго писателя и его погребеніе въ Александро-Невской лаврѣ, были, по словамъ очевидцевъ, „знаменательнымъ событіемъ“, отличавшимся „умилительно-торжественнымъ характеромъ“. Достоевскаго „хоронили не друзья, не родные—его хоронило русское общество“, говоритъ одинъ изъ участниковъ этихъ похоронъ, „походившихъ на тріумфальное шествіе“. Тутъ были представители всѣхъ общественныхъ слоевъ, отъ государственныхъ людей и знатныхъ дамъ до учащейся молодежи обоихъ половъ почти всѣхъ учебныхъ заведеній столицы. „Чествовать“ кончину Достоевскаго, по словамъ свидѣтелей, „соединились люди, вѣрующіе въ то, что онъ проповѣдывалъ“. Молодое поколѣніе, пришедшее поклониться его гробу, особенно скорбѣло о немъ, какъ о „великомъ учителѣ“. О томъ вліяніи, какое имѣли на него сочиненія Достоевскаго, свидѣтельствуютъ восторженныя рѣчи у гроба, сказанныя представителями молодежи. Главный смыслъ этихъ рѣчей состоялъ въ томъ, что Достоевскій „вмѣстилъ въ своей душѣ ученіе Христовой правды“; его благодарили за его „любовь къ народу“, за то, что „онъ посмѣлъ возстать на унижавшихъ“ и за сущность его ученія, состоявшаго въ томъ, чтобъ исчезло на землѣ страданіе, „чтобъ никто страданія не вѣдалъ“.

Не одинъ Петербургъ окружилъ поклоненіемъ и почетомъ имя Достоевскаго. Во многихъ городахъ Россіи пошла рѣчь о томъ, чтобъ увѣковѣчить это имя какими нибудь учрежденіями, въ особенности посвященными дѣлу народнаго образованія. Въ общественныхъ собраніяхъ именно съ этою цѣлью говорилось о Достоевскомъ; служились общія панихиды по покойномъ, особенно по учебнымъ заведеніямъ, говорилось много теплыхъ словъ о его заслугахъ литературныхъ, о значеніи общественномъ его произведеній, объ отношеніи его къ молодому поколѣнію, доказывалось, что онъ былъ истиннымъ и симпатичнымъ его учителемъ.

И журнальная литература, какъ выраженіе общества, наполнилась статьями о Достоевскомъ, проникнутыми глубокою скорбью при „этой неожиданной и роковой утратѣ", понесенной всей Россіей. Большинство этихъ статей говорило о Достоевскомъ не только какъ о писателѣ, оказавшемъ великія заслуги русской словесности и русскому развитію своими высоко-художественными произведеніями, но и какъ о глубокомъ мыслителѣ, понимавшемъ время и его стремленія, какъ о высокомъ учителѣ общества. Эти сужденія о Достоевскомъ не вдавались въ подробности критическаго и спокойнаго изученія его произведеній, проникнуты были скорбью о кончинѣ писателя, походили на восторженныя надгробныя рѣчи. И въ самомъ дѣлѣ: въ виду свѣжей могилы, на которой не поблекли еще цвѣты, принесенные обществомъ, спокойное, историческое разсужденіе, желающее опредѣлить значеніе писателя въ общемъ духовномъ развитіи страны, едва ли было возможно.

Прошло однако довольно времени со смерти писателя, то есть съ того момента, съ котораго начинается историческое сужденіе о немъ. Другія, болѣе страшныя событія, другая болѣе глубокая и всенародная скорбь отвлекли отъ имени Достоевскаго и отъ его писательской дѣятельности общественное вниманіе. Казалось бы можно теперь говорить совершенно спокойно о ней и уяснить себѣ смыслъ и значеніе этого всеобщаго поклоненія Достоевскому. Но и теперь, при иныхъ условіяхъ, едвали возможно вполнѣ спокойное отношеніе къ его дѣятельности: такъ близко, въ послѣдніе годы особенно, талантъ его стоялъ къ русской дѣйствительности, такіе живые вопросы, близкіе къ злобѣ настоящаго дня, поднималъ онъ въ своихъ произведеніяхъ и пытался произнести

времени свой рѣшающій приговоръ. Этимъ объясняется и та крайняя противоположность мнѣній о Достоевскомъ, о смыслѣ и содержаніи его сочиненій, о значеніи его мысли вообще. Разобраться въ этомъ разнообразіи сужденій о немъ пока еще очень трудно. Мы слишкомъ недавніе свидѣтели его дѣятельности; мы жили тѣми же волненіями, какими и онъ жилъ и наши нервы раздражались тѣмъ же, что и его мучило. Для полнаго изученія Достоевскаго сдѣлано пока немного. Полнаго собранія его сочиненій—нѣтъ. Въ его біографіи, состоящей пока изъ самыхъ отрывочныхъ свѣдѣній, много темнаго и неяснаго для тѣхъ, которые лишь издали слѣдили за его дѣятельностью, но не были связаны съ нимъ личными отношеніями. Въ воспоминаніяхъ же близкихъ къ нему людей, друзей его, конечно проникнутыхъ скорбью объ утратѣ дорогаго человѣка, преобладаетъ одностороннее, хотя и искреннее чувство.

Сужденія о литературныхъ заслугахъ Достоевскаго большею частью основываются на прежнихъ приговорахъ нашей критики. Первыя произведенія его были встрѣчены и оцѣнены Бѣлинскимъ; другой періодъ его дѣятельности, когда Достоевскій заговорилъ сознательно объ „униженныхъ и оскорбленныхъ", старался опредѣлить Добролюбовъ. Но при жизни писателя всякая критика его произведеній не будетъ окончательно вѣрнымъ приговоромъ: въ живой, развивающейся дѣятельности писателя такъ много силъ вообще для того, чтобъ подорвать вѣрность всякаго сужденія о немъ. Оба лучшіе критики наши смотрѣли каждый съ своей точки зрѣнія на сочиненія Достоевскаго, оба были правы въ условіяхъ своего времени. Но ни для того, ни для другаго критика не существовало большихъ послѣднихъ романовъ Достоевскаго, имъ былъ совершенно неизвѣстенъ писатель какъ публицистъ, какъ судья современнаго общества и его явленій, какъ мыслитель и пророкъ, указывающій на будущее, призывающій къ опредѣленной дѣятельности, ставящій впереди идеалы и цѣли стремленій. А между тѣмъ, именно эта послѣдняя литературная дѣятельность и нуждается въ положительномъ историческомъ опредѣленіи. Пока она вызываетъ лишь разнообразныя, иногда крайне противоположныя мнѣнія и заключенія. Если въ талантѣ Достоевскаго была дѣйствительная сила, если въ его мысли въ самомъ дѣлѣ заключены отвѣты на тѣ мучительные вопросы, которые поднимаются въ

груди современнаго общества и страстно волнуютъ насъ, то понятно, что положительное заключеніе о литературной дѣятельности его станетъ возможнымъ только въ будущемъ, когда смолкнетъ современная борьба, когда ходъ нашего общественнаго развитія и сама исторія покажутъ на сколько были правы современные намъ поклонники и противники Достоевскаго.

Обстоятельство, что романистъ, разскащикъ болѣе или менѣе вѣрно придуманныхъ событій изъ ежедневной жизни русскихъ людей, вдругъ поднимается на степень великаго народнаго учителя, пророка, увлекающаго за собою сердца, или вызывающаго жесткій, страстный, полный боли и ненависти протестъ,—объясняется условіями нашей общественной жизни, нашей мысли, условіями самой художественной литературы нашей. Наша мысль еще не привыкла свободно поднимать и дебаттировать вопросы, затропутые Достоевскимъ. За то давно, едва ли не со временъ реформы Петра В., художественная литература наша въ типахъ ею созданныхъ, умѣла касаться самыхъ живыхъ сторонъ дѣйствительности, шевелила умъ и въ особенности сердце, указывала на общественныя раны и умѣла даже лѣчить ихъ. Въ этомъ ея величайшая заслуга предъ страною, предъ народомъ. Все русское духовное развитіе, за глубину своего содержанія, обязано больше всего своей художественной литературѣ. Такого явленія мы не встрѣтимъ въ другихъ странахъ, гдѣ существуетъ и наука, развивающаяся правильно, съ старыми преданіями, гдѣ есть и настоящая общественная жизнь, съ мнѣніемъ, выражающимся въ свободномъ словѣ. Есть своего рода невыгодныя стороны въ этомъ явленіи. Достоевскій для выраженія своей мысли, для изображенія современности, почти всегда прибѣгалъ къ художественнымъ образамъ. Эти образы были живыя лица, болѣе или менѣе удачно задуманныя. Критику приходится считаться съ ними какъ съ живыми людьми, часто исполненными противорѣчій; это не отвлеченная идея и правильный логическій споръ съ ними затруднителенъ. Это также одна изъ существенныхъ причинъ разнообразія сужденій о Достоевскомъ, какъ бы мы ни объясняли это разнообразіе различными партіями и различными взглядами въ современномъ обществѣ. Все это однако служитъ доказательствомъ, что у Достоевскаго былъ очень большой талантъ, что онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ къ жизни и

современности, касался самыхъ существенныхъ сторонъ ея. Эта близость къ жизни таланта, эти симпатіи и поклоненія, все это заставляетъ задумываться, вызываетъ желаніе уяснить смыслъ литературной дѣятельности Достоевскаго, какъ бы это ни было затруднительно.

Всякая законченная дѣятельность писателя принадлежитъ исторіи; онъ самъ, вполнѣ и безраздѣльно, является продуктомъ историческаго процесса, очень сложнаго, какъ всякая жизнь, полнаго противорѣчій и разнообразія. Историческое опредѣленіе дѣятельности писателя, историческая оцѣнка его произведеній принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ любопытныхъ задачъ въ исторіи умственнаго развитія страны. Писатель—живой человѣкъ; убѣжденія, взгляды, стремленія его мѣняются, какъ все въ жизни. Задача изслѣдованія историческаго состоитъ въ томъ, чтобъ найти мотивы для разныхъ сторонъ дѣятельности писателя. Въ нашемъ отечествѣ біографіи писателей вообще очень бѣдны фактами. Это зависитъ отъ характера всей жизни нашей, не привыкшей къ публичности. Въ изслѣдованіи о Достоевскомъ могутъ встрѣтиться такія противорѣчія, которыя пока не разрѣшимы. Мотивы первыхъ его произведеній заключаются въ его первоначальныхъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ семьи и школы, изъ общества первыхъ людей, окружавшихъ его, изъ его первоначальной практической дѣятельности. Для опредѣленія этихъ первоначальныхъ и конечно главныхъ условій дальнѣйшаго развитія писателя у насъ слишкомъ мало матеріала. Нельзя сказать, чтобъ богаты мы были имъ и потомъ, а между тѣмъ этотъ матеріалъ необходимъ для изслѣдованія.

Въ точности, вѣрности наблюденія сказывается настоящій смыслъ науки, извѣстной подъ именемъ исторіи литературы. Это наука опыта, наблюденія, въ своемъ родѣ естественная исторія или физіологія. Она не лишена значенія и въ томъ даже случаѣ, если примѣняетъ свой методъ изслѣдованія къ писателю, не принадлежащему къ перворазряднымъ. Сложное содержаніе жизни писателя, подъ разнообразными впечатлѣніями собственнаго организма, ближайшей среды и воспитанія, еще болѣе усложняется отношеніями его къ времени, эпохѣ, въ условіяхъ которой онъ живетъ.

Это—воздухъ, которымъ онъ дышетъ. Какъ ни далекими кажутся иногда съ перваго взгляда созданія поэта или художника отъ дѣйствительности его окружающей, пусть даже содержаніе этихъ созданій будетъ вполнѣ фантастическое,—внимательный наблюдатель подглядитъ тѣ невидимыя для простаго взгляда нити, которыя связываютъ это содержаніе съ общею жизнью эпохи. Писатель—сынъ своего времени и это время, такъ или иначе, одною или многими сторонами своими, отражается въ его произведеніяхъ.

Двойною представляется трудность говорить о Достоевскомъ въ отношеніяхъ его къ времени. Она заключается и въ условіяхъ нашего слова и въ характерѣ самой эпохи. Литературная дѣятельность Достоевскаго продолжалась тридцать пять лѣтъ. Эти годы, столь близкіе къ намъ, представляютъ можетъ быть самый замѣчательный историческій процессъ въ нашемъ государственномъ и въ нашемъ умственномъ развитіи. Они полны въ высшей степени разнообразнаго, часто противоположнаго движенія. Счастливъ писатель, дѣйствующій въ такую эпоху, которая полна однимъ ясно сознаннымъ и опредѣленнымъ движеніемъ, передъ которою одна цѣль, и поколѣнія идутъ къ ней, не останавливаясь, по ровной дорогѣ, не сбиваясь съ нея въ сторону, не теряя ея. Человѣчество знаетъ такія эпохи. Въ художественныхъ созданіяхъ такихъ эпохъ нѣтъ разлада и раздвоенія, нѣтъ болѣзненныхъ уродливостей, свидѣтельствующихъ о тяжеломъ, внутри переживаемомъ процессѣ. Въ нихъ все ясно. Вѣчная заря молодости какъ бы освѣщаетъ эти созданія. Русская мысль и русская художественная дѣятельность, съ тѣхъ поръ какъ онѣ сколько нибудь стали самостоятельными, не знаютъ подобныхъ спокойныхъ и опредѣленныхъ эпохъ. Созданія нашего творчества выросли по большей части въ тяжелой современной борьбѣ. Чѣмъ впечатлительнѣе, нервознѣе натура писателя, чѣмъ глубже вдумывается онъ въ современность, тѣмъ болѣзненнѣе, раздвоеннѣе, мучительнѣе образы, воплощаемые имъ въ слово. Тѣ годы, въ которые продолжалась литературная дѣятельность Достоевскаго, никакъ не благопріятствовали спокойному, свободному творчеству. Мы пережили многое, такъ что имѣемъ полное право сказать, что жизнь сильно поломала насъ. Сколько разбитыхъ надеждъ, сколько разлетѣвшихся иллюзій, сколько людей, или быстро сгорѣвшихъ въ борьбѣ, или безплодно разтратившихъ свои

силы, свою жизнь! Странный и пестрый историческій міръ окружалъ Достоевскаго. Надобно отдать ему справедливость: онъ всѣми силами своего ума и таланта старался поймать смыслъ этого міра и воплотить его въ художественные образы, и какъ часто эти образы, дикіе, болѣзненные, уродливые, свидѣтельствуютъ о томъ мутномъ источникѣ, изъ котораго онъ черпалъ! Ввести эти образы въ жизнь времени, разглядѣть какъ отражалось оно въ нихъ, въ связи съ обстоятельствами жизни писателя и его внутреннимъ міромъ, въ связи съ его душею, гнувшеюся и ломавшеюся подъ впечатлѣніями жизни современной—вотъ задача будущаго изслѣдователя литературной дѣятельности Достоевскаго.

Достоевскій родился въ Москвѣ 30 октября 1822 года. О его дѣтствѣ, о родной семьѣ, о воспитаніи и ученіи его, то есть о самыхъ вліятельныхъ и на всю жизнь дѣйствующихъ факторахъ внутренняго развитія, у насъ почти вовсе нѣтъ свѣдѣній. Изъ брошенныхъ случайно указаній самаго писателя мы узнаемъ, что онъ происходилъ „изъ семейства русскаго и благочестиваго“ (*Дневн. Пис.* въ „Гражд.“ 1873 г. стр. 1352), что „отецъ (врачъ) и мать были люди небогатые и трудящіеся (*Дневн.* 1876 г. стр. 102). Было у нихъ небольшое имѣніе въ Тверской губерніи, куда лѣтомъ семья переселялась изъ Москвы. Не смотря на значительную субъективность таланта Достоевскаго, изъ его отрочества, изъ его дѣтства мы не встрѣчаемъ въ его произведеніяхъ особенно мягкихъ и свѣтлыхъ образовъ. По его собственнымъ словамъ вспоминать онъ не любилъ и два—три лица изъ дѣтства, случайно пришедшія на память, приведены имъ лишь въ доказательство высокихъ нравственныхъ свойствъ, заключенныхъ въ непосредственныхъ натурахъ простаго народа. Ни деревня, ни русская природа, поэзія которой была совершенно чужда ему, не появляются въ его произведеніяхъ, какъ главный фонъ. Его воспоминанія жили, говоря словами одного изъ его лицъ „въ мрачномъ, угрюмомъ городѣ, съ давящей, одуряющей атмосферой, съ зараженнымъ воздухомъ, съ драгоцѣнными палатами, всегда запачканными грязью, съ тусклымъ, бѣднымъ солнцемъ и полусумасшедшими людьми“ (*Униж. и Оскорбл.* 475). Есть правда у него цѣлая большая

повѣсть („Село Степанчиково"), дѣйствіе которой происходитъ въ русской деревнѣ еще при крѣпостномъ правѣ, но сцены и событія, изображенныя въ ней авторомъ и лица дѣйствующія до такой степени изломаны больнымъ воображеніемъ автора (онъ писалъ эту повѣсть въ сибирской ссылкѣ), что если въ этихъ изображеніяхъ сохранилось сколько-нибудь дѣйствительности, то имѣемъ основаніе думать, что семейныя воспоминанія Достоевскаго не представляютъ ничего отраднаго.

Учился Достоевскій въ дѣтствѣ въ частномъ московскомъ пансіонѣ Чермака, но приготовить къ жизни и службѣ должна была петербургская специальная школа. Это было Инженерное училище. Сюда, вмѣстѣ съ старшимъ его братомъ Михаиломъ, отвезъ пятнадцатилѣтняго Достоевскаго отецъ лѣтомъ 1837 года; здѣсь онъ кончилъ курсъ, по всей вѣроятности на казенномъ содержаніи. Трудно сказать что дала эта школа писателю. У насъ нѣтъ свѣдѣній ни о томъ въ чемъ состояло ученіе въ этой школѣ, ни о томъ какъ оно шло. Извѣстно, что Достоевскій не сдѣлался спеціалистомъ инженеромъ, какъ бы слѣдовало ожидать: школа не развила въ немъ любви къ спеціальности. Изъ училища онъ вынесъ лишь общее литературное образованіе, то есть привычку читать, знакомство съ русской литературой. Это литературное образованіе завершилось изученіемъ послѣднихъ явленій русской словесности—внимательнымъ чтеніемъ Гоголя и его великаго объяснителя Бѣлинскаго. Это былъ кругъ идей общій всѣмъ образованнымъ людямъ того поколѣнія. Начитанность въ русской оригинальной и переводной литературѣ увеличивалась отъ возможности читать на французскомъ языкѣ, знакомомъ Достоевскому съ дѣтства. Едва ли въ училищѣ могъ онъ получить хоть сколько нибудь серьезное знакомство съ французской литературой; это знакомство съ гораздо большимъ умственнымъ содержаніемъ началось для Достоевскаго уже по окончаніи курса, когда въ немъ явилась потребность самообразованія.

При извѣстныхъ общихъ условіяхъ нашего образованія, особенно въ то время, Инженерное училище не было въ состояніи ни воспитать ума, ни наполнить его дѣйствительными свѣдѣніями, которыя были бы дороги учащемуся, ни развить въ немъ стремленіе къ наукѣ. Дѣло шло здѣсь о наружномъ, показномъ знаніи, томъ лишь, которое считалось необходимымъ для карьеры. Объ этой карьерѣ юноши

заботились и мечтали уже на школьной скамьѣ. Намъ кажется, что недостатокъ серьезнаго образованія замѣтенъ во всей литературной дѣятельности Достоевскаго. Онъ проглядываетъ мѣстами въ значительномъ недовѣріи къ наукѣ, цивилизаціи, къ умственной дѣятельности, къ „интеллигенціи", что все можно найти въ его публицистическихъ статьяхъ послѣднихъ лѣтъ. Правда, недовѣріе это развилось и подъ вліяніемъ цѣлаго особаго круга идей и нигдѣ оно не высказывается положительно. Достоевскій доходитъ даже до заявленія, что „наука страшно нужна народу", но слова эти сказались повидимому случайно и мимоходомъ, нигдѣ онъ не развиваетъ этой мысли, не говоритъ что такое эта наука, столь необходимая для народа и брошенная фраза не вяжется съ общимъ содержаніемъ его излюбленныхъ идей. Въ одномъ изъ своихъ раннихъ романовъ Достоевскій пробовалъ было вывести личность человѣка, всецѣло отдавшагося наукѣ, увлеченнаго ею до страсти. Изображеніе вышло однако крайне блѣднымъ; оно навѣяно было содержаніемъ извѣстныхъ тогда талантливыхъ статей „Дилеттантизмъ въ наукѣ". Увлеченіе наукою въ героѣ Достоевскаго легко уступило предъ галлюцинаціями. Самъ авторъ, дѣлая характеристику своего героя, говоритъ, что въ немъ „было болѣе безсознательнаго влеченія нежели логически - пытливой причины учиться и знать, какъ и во всякой другой, даже самой мелкой дѣятельности", что въ его уединенныхъ занятіяхъ не было порядка и опредѣленной системы, а былъ „одинъ только первый восторгъ, первый жаръ, первая горячка художника" (*Хозяйка*, стр. 6—7).

Есть большое основаніе думать, что Достоевскій, даже и въ поздніе годы, не любилъ мѣста своего воспитанія, относился къ нему съ ненавистью. „Проклятіе на эту школу, на эти ужасные, каторжные годы!" говоритъ одно изъ лицъ, какія онъ любилъ изображать, поломанное воспитаніемъ и жизнью. Зная характеръ произведеній Достоевскаго, читая о его личности, нельзя не придти къ увѣренности, что въ словахъ этихъ сохранились собственныя горькія впечатлѣнія его. „Весь вечеръ давили меня воспоминанія о каторжныхъ годахъ моей школьной жизни и я не могъ отъ нихъ отвязаться. Меня сунули въ эту школу мои дальніе родственники, сунули сиротливаго, уже забитаго ихъ попреками, уже задумывающагося, молчаливаго и дико на все озиравшагося". Таже ненависть наполнила его сердце и по отно-

шенію къ школьнымъ товарищамъ, начиная съ ихъ наружнаго вида: „Какія глупыя были у нихъ лица! Въ нашей школѣ выраженія лицъ какъ то особенно глупѣли и перерождались. Сколько прекрасныхъ собой дѣтей поступало къ намъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ на нихъ и глядѣть становилось противно. Еще въ шестнадцать лѣтъ я угрюмо на нихъ дивился; меня ужъ и тогда изумляли мелочь ихъ мышленія, глупость ихъ занятій, игръ, разговоровъ.... Они привыкли поклоняться одному успѣху. Все, что было справедливо, но унижено и забито, надъ тѣмъ они жестокосердно и позорно смѣялись. Чинъ почитали за умъ; въ шестнадцать лѣтъ уже толковали о теплыхъ мѣстечкахъ. Конечно много тутъ было отъ глупости, отъ дурнаго примѣра, безпрерывно окружавшаго ихъ дѣтство и отрочество. Развратны они были до уродливости“ (*Зап. изъ Подполья*, стр. 67, 75—74).

Къ этой характеристикѣ училища, въ которой мыслящій современникъ Достоевскаго едва ли найдетъ что либо преувеличенное, надобно присоединить и общій характеръ тогдашняго воспитанія нашего въ военныхъ и полувоенныхъ училищахъ, памятный многимъ. Все направлено было къ тому, чтобъ изъ человѣка сдѣлать неразсуждающую машину, слѣпое, исполнительное орудіе чужой воли. Кому изъ наблюдателей жизни того времени неизвѣстна напр. пресловутая „Инструкція“ учителямъ военно-учебныхъ заведеній, направленная къ подавленію „духа“ въ мальчикахъ, но вмѣстѣ съ этимъ духомъ, какъ бы для большаго его униженія, убивалось и тѣло. Тѣлесныя наказанія, часто въ невозможныхъ размѣрахъ, были самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. „Въ военно-учебныхъ заведеніяхъ того времени, за самые маловажные проступки и за незнаніе уроковъ, производилась регулярно по субботамъ порка, а въ Дворянскомъ Полку бывали примѣры, что за простую ошибку при фронтовомъ ученіи, выносили изъ манежа на простыняхъ почти до полусмерти засѣченныхъ юношей“—говоритъ одинъ изъ современниковъ, прошедшихъ тогдашнюю школу (*А. К. Б—къ*, „Воспоминанія объ Институтѣ Путей Сообщенія“. *Русск. Ст.* 1880 г. XXVIII, 653). Холоднымъ ужасомъ, доводящимъ до нервной дрожи, вѣетъ отъ многочисленныхъ къ несчастью воспоминаній, оставленныхъ намъ современниками о страшныхъ порядкахъ, господствовавшихъ въ то время, когда Достоевскій учился въ Инженерномъ училищѣ, во многихъ на-

шихъ военныхъ, полувоенныхъ и даже гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Молоху системы и дисциплины сознательно приносились въ жертву молодыя натуры. Кто изъ современниковъ Достоевскаго, людей 40-хъ годовъ, не сохранилъ въ душѣ тяжелыхъ воспоминаній объ этой унижающей, убивающей человѣческое достоинство школѣ? А эти случаи, къ несчастью нерѣдкіе, когда дѣтей и юношей, въ полной формѣ, блѣдныхъ и дрожащихъ, но выровненныхъ и въ строю, заставляли присутствовать, вѣроятно „для примѣра" при гнусныхъ и звѣрскихъ истязаніяхъ! (См. описаніе подобныхъ страшныхъ экзекуцій, напр. въ упомянутыхъ воспоминаніяхъ Б—ка, при графѣ Клейнмихелѣ, стр. 662—664, когда даже тогдашнее петербургское мнѣніе не осталось равнодушнымъ, или въ „Воспоминаніяхъ Московскаго кадета", при Сухозанетѣ. *Русск. Арх.* 1880 г. т. I, стр. 471—472). „Боже милостивый! Какъ изгладить изъ памяти эту омерзительную, оскорбительную, за сердце хватавшую сцену!" вспоминаетъ со скорбью одинъ изъ невольныхъ несчастныхъ свидѣтелей подобной сцены, длившейся около получаса. Мрачная картина осталась въ душѣ. Она надрывала гордость, заставляла страдать, возбуждала ненависть.

Впечатлительный, съ болѣзненною натурою, съ предрасположеніемъ къ нервнымъ припадкамъ, какъ онъ самъ говоритъ о себѣ, Достоевскій легко могъ быть свидѣтелемъ подобныхъ сценъ. Онѣ должны были остаться на всю жизнь въ его памяти страшнымъ и мучительнымъ кошмаромъ. Человѣкъ съ такою организаціею, какъ у него и принижался и озлоблялся въ одно и тоже время. Мы понимаемъ, какое печальное отраженіе должно было имѣть подобное воспитаніе, такія впечатлѣнія на литературное творчество его. Сколько мучительныхъ образовъ и сценъ, на которыхъ онъ безпощадно и долго останавливается, дѣйствуя возбуждающимъ образомъ на нервы читателя, должны были дать ему школьныя воспоминанія. Мы понимаемъ, что много злобы, много желчи, накопившихся съ лѣтами, долженъ онъ былъ внести въ тѣ изображенія нечеловѣческихъ страданій, въ тѣ картины, полныя безумнаго безобразія, которыя выходили иногда изъ подъ пера его, что бы тамъ ни говорили о его добродушіи и любви. Литературный талантъ Достоевскаго воспитался подъ тяжелыми жизненными впечатлѣніями и походилъ на ту „блѣдную, всю въ крови Музу" ему современнаго

русскаго поэта, которая вела его „чрезъ бездны темныя Насилія и Зла“.

Инженерное училище не сдѣлало Достоевскаго спеціалистомъ, хотя онъ и кончилъ курсъ, какъ кажется въ 1841 году, получивъ чинъ подпоручика (*О. Миллеръ*, „Вмѣсто некролога“. *Русск. Мысль*, мартъ, стр. IV). О службѣ его, продолжавшейся года четыре, у насъ вовсе нѣтъ свѣдѣній. Она имѣла, если не ошибаемся, чисто канцелярскій характеръ и Достоевскій поспѣшилъ распроститься съ ней, очевидно недовольный сю. „Первымъ дѣломъ моимъ по выходѣ изъ школы, говоритъ тоже лицо его разсказа, слова котораго мы уже приводили, было оставить ту спеціальную службу, къ которой я предназначался, чтобъ всѣ нити порвать, проклясть прошлое и прахомъ его посыпать“ (*Зап. изъ Подп.* стр. 77). Что было впереди у Достоевскаго, не имѣвшаго средствъ для существованія, онъ самъ хорошо не зналъ. По его собственнымъ словамъ, онъ вышелъ въ отставку „самъ не зная за чѣмъ, съ самыми неясными, неопредѣленными цѣлями“. Сколько нибудь серьезнаго образованія онъ не получилъ. Все что составляло его умственный запасъ, ограничивалось начитанностью въ литературѣ, конечно главнымъ образомъ русской. Скоро она должна была сдѣлаться его призваніемъ.

Въ тѣ годы, когда Достоевскій жилъ безъ дѣла въ Петербургѣ, переходя изъ одной „комнаты отъ жильцевъ“ въ другую, и знакомясь такимъ образомъ наглядно съ печальною жизнью бѣдняковъ столицы, вся русская умственная жизнь, весь духовный прогрессъ нашъ сосредоточивался въ литературѣ. Она существовала для большинства образованныхъ людей. Наука въ серьезномъ видѣ не могла интересовать это большинство, да въ ней, за исключеніемъ нѣкоторыхъ потребныхъ для государства практическихъ свѣдѣній, никто не нуждался. Науку ничто не вызывало; ей не было мѣста въ обществѣ, которое посылало свое молодое поколѣніе *въ науку* лишь исключительно для того, чтобъ пріобрѣтеніемъ свѣдѣній, а главное—дипломомъ начать приличнымъ образомъ служебную карьеру. Университеты, гдѣ только и могла существовать наука, стояли, по своему вліянію, особенно въ

провинціи, гораздо ниже литературы. Въ ничтожномъ только меньшинствѣ юношей могли они пробудить научное стремленіе и жажду знанія. Идеальнымъ порывамъ большинства тогдашняго молодаго поколѣнія всего больше отвѣчала литература съ ея разширившимся въ тѣ годы содержаніемъ. Въ ней разомъ появилось тогда нѣсколько талантливыхъ именъ. Главнѣйшимъ органомъ тогдашняго литературнаго, да можно сказать и умственнаго движенія, стали „Отечественныя Записки“ съ того времени, какъ отдѣлъ критики поступилъ въ распоряженіе Бѣлинскаго. Съ нетерпѣніемъ ожидалась каждая новая книжка журнала и тогдашній студентъ, послѣ безцвѣтныхъ, скучныхъ по своей реторикѣ или по очевиднымъ уступкамъ господствующей дѣйствительности лекцій, съ страстнымъ молодымъ трепетомъ, погружался въ чтеніе новой статьи критика, казавшейся откровеніемъ. Горячія слова наполняли душу честными стремленіями, звали къ честной дѣятельности.

Имя, выше всѣхъ стоявшее въ тогдашней литературѣ, было имя Гоголя, и Бѣлинскій былъ великимъ объяснителемъ геніальнаго писателя. Мы убѣждены, что безъ его критики глубокій, жизненный, историческій смыслъ Гоголевскихъ созданій, являвшійся для большинства лишь забавнымъ малороссійскимъ жартомъ, не скоро бы усвоился сознаніемъ общества. Горькій смѣхъ Гоголя нарушилъ продолжительное праздничное ликованье, смутилъ торжество, освѣтилъ настоящимъ, хотя и зловѣщимъ свѣтомъ, огромное историческое пространство, счастливые острова, гдѣ казалось жили только доблестные герои. Вмѣсто нихъ мы разглядѣли Чичиковыхъ и Ноздревыхъ, Коробочекъ и Маниловыхъ и большую компанію другихъ лицъ, съ которыми скоро пришлось переживать тяжелыя историческія испытанія. Что бы ни говорила современная славянофильская школа, объясняя смыслъ отрицательныхъ типовъ Гоголя какимъ-то психическимъ актомъ самоочищенія и искупленія, какъ говорилъ впрочемъ и самъ нравственно больной подъ конецъ жизни писатель,—его типы выросли и окрѣпли въ обществѣ; они—его характеристика и созданіе.

Но Гоголь, какъ и современный намъ великій русскій сатирикъ, не дающій заснуть и одеревенѣть мысли и чувству посреди явленій способствующихъ тому, звалъ впередъ, указывалъ идеалы. Гоголемъ было воспитываемо въ то время

гуманное и мягкое чувство въ обществѣ. Подъ вліяніемъ его произведеній люди измѣнялись; Божья искра западала въ готовую очерствѣть душу, какъ случилось это съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ, который позволилъ было себѣ грубую шутку надъ героемъ „Шинели". „Все перемѣнилось предъ нимъ и показалось въ другомъ видѣ: какая то неестественная сила оттолкнула его отъ товарищей, съ которыми онъ познакомился, принявъ ихъ за приличныхъ, свѣтскихъ людей. Въ проникающихъ словахъ: „оставьте меня! зачѣмъ вы меня обижаете?" звенѣли другія слова: „я братъ твой"! И закрывалъ себя рукою бѣдный молодой человѣкъ, и много разъ содрогался онъ потомъ на вѣку своемъ, видя какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости и, Боже, даже въ томъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ". Гоголь увлекалъ въ широкое человѣческое движеніе: „Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ, юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточенное мужество, говорилъ онъ современному молодому поколѣнію, забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ по дорогѣ—не подымете потомъ".

Вполнѣ было естественно, что все молодое и талантливое въ нашей литературѣ того времени, все что смотрѣло впередъ и сознательно относилось къ своей дѣятельности, должно было примкнуть къ этому направленію. Высокая художественность Гоголевскихъ созданій и глубокій нравственный смыслъ ихъ сдѣлали Гоголя главою школы. Литература встала въ главѣ нравственнаго развитія общества; она сдѣлалась воспитательницей его, совѣстью. Какъ бы почувствовавъ свою силу и внутреннее значеніе, она расширила кругъ своего дѣйствія, стала касаться такихъ слоевъ общества, куда не желали спускаться прежніе писатели, и тамъ искала людей. Это былъ уже значительный успѣхъ съ ея стороны. Конечно немного сторонъ и вопросовъ дѣйствительной русской жизни, вслѣдствіе безправнаго положенія русскаго общества, были доступны литературѣ. Цензура зорко слѣдила за нею, преслѣдовала всякое ея отклоненіе и загоняла назадъ, въ привычный заколдованный кругъ, заставляя ее вертѣться въ бѣличьемъ колесѣ исключительно сердечныхъ волненій и любовныхъ приключеній. Новое направленіе не нравилось въ высшихъ сферахъ, не нравилось между старыми

писателями и въ такъ называемыхъ славянофильскихъ кружкахъ, гдѣ подъ громкими фразами царило старое преданіе. Но литература дѣлала свое дѣло.

Прекрасно характеризуетъ это дѣло новой литературы и ея отношеніе къ тогдашнему обществу Бѣлинскій: „Представьте себѣ человѣка обезпеченнаго, можетъ быть богатаго; онъ сейчасъ пообѣдалъ сладко, со вкусомъ (поваръ у него прекрасный), усѣлся въ спокойныхъ вольтеровскихъ креслахъ съ чашкою кофе, передъ пылающимъ каминомъ, тепло и хорошо ему, чувство благосостоянія дѣлаетъ его веселымъ,— и вотъ беретъ онъ книгу, лѣниво переворачиваетъ ея листы, и брови его надвигаются на глаза, улыбка исчезаетъ съ румяныхъ губъ, онъ взволнованъ, встревоженъ, раздосадованъ.... И есть отъ чего! книга говоритъ ему, что не всѣ на свѣтѣ живутъ такъ хорошо какъ онъ, что есть *углы*, гдѣ подъ лохмотьями дрожитъ отъ холоду цѣлое семейство, можетъ быть недавно еще знавшее довольство,—что есть на свѣтѣ люди рожденіемъ, судьбою обреченные на нищету,—что послѣдняя копѣйка идетъ на зелено вино не всегда отъ праздности и лѣни, но и отъ отчаянія. И нашему счастливцу неловко, какъ будто совѣстно своего комфорта. А все виновата скверная книга: онъ взялъ ее для своего удовольствія, а вычиталъ тоску и скуку. Прочь ее!.... Представьте теперь въ такомъ же положеніи другаго любителя пріятнаго чтенія. Ему надо было дать балъ, срокъ приближался, а денегъ не было; управляющій его, Никита Ѳедорычъ, что-то замѣшкался высылкою. Но сегодня деньги получены, балъ можно дать; съ сигарой въ зубахъ, веселый и довольный, лежитъ онъ на диванѣ, и отъ нечего дѣлать руки его лѣниво протягиваются къ книгѣ. Опять таже исторія! Проклятая книга разсказываетъ ему подвиги его Никиты Ѳедорыча, подлаго холопа, съ дѣтства привыкшаго подобострастно служить чужимъ страстямъ и прихотямъ, женатаго на отставной любовницѣ родителя своего барина. И ему-то, незнакомому ни съ какимъ человѣческимъ чувствомъ, поручена судьба и участь всѣхъ Антоновъ.... Скорѣе прочь ее, скверную книгу! Представьте теперь еще въ такомъ комфортномъ состояніи человѣка, который въ дѣтствѣ бѣгалъ босикомъ, бывалъ на посылкахъ, а лѣтъ подъ пятьдесятъ какъ-то очутился въ чинахъ, имѣетъ „малую толику". Всѣ читаютъ— надо и ему читать; но что̀ находитъ онъ въ книгѣ?—свою біографію, да

еще какъ вѣрно разсказанную, хотя, кромѣ его самаго, темныя похожденія его жизни—тайна для всѣхъ, и ни одному сочинителю не откуда было узнать ихъ.... И вотъ онъ уже не взволнованъ, а просто взбѣшенъ, и съ чувствомъ достоинства облегчаетъ свою досаду такимъ разсужденіемъ: „Вотъ какъ пишутъ нынѣ! вотъ до чего дошло вольнодумство! Такъ ли писали прежде? Штиль ровный, гладкій, все о предметахъ нѣжныхъ или о возвышенныхъ „читать сладко и обидѣться нечѣмъ"! (*Сочин.* XI, 343—345).

Мы привели эти слова Бѣлинскаго для того, чтобъ показать новое отношеніе литературы къ обществу, созданное Гоголемъ и содержаніемъ его произведеній. Новое направленіе получило тогда названіе *натуральной школы*, названіе, какъ это часто случается, не точно опредѣляющее его; оно дано было какъ кажется Бѣлинскимъ. Толки о натуральной школѣ, сдерживаемые разумѣется цензурой, наполняли тогдашніе журналы, раздѣливъ представителей литературы на два противоположные и враждебные лагеря. Подъ натуральною школою надобно разумѣть болѣе живое пониманіе дѣйствительности, болѣе глубокое отношеніе къ ней, больше простора въ пониманіи окружающей жизни и совершенное отчужденіе отъ реторики, то есть отъ того лганья, которымъ преисполнена была жизнь и литература. Весь успѣхъ этой послѣдней и ея движеніе впередъ, какъ справедливо замѣтилъ Бѣлинскій, „зависятъ больше *отъ объема и количества предметовъ*, доступныхъ ея завѣдыванію, нежели отъ нея самой. Чѣмъ шире будутъ границы ея содержанія, чѣмъ больше будетъ пищи для ея дѣятельности, тѣмъ быстрѣе и плодовитѣе будетъ ея развитіе. Въ натуральной школѣ было уже это расширеніе границъ.

Надобно замѣтить, что годы 1843—1848 были, говоря относительно, довольно благопріятны для успѣховъ мысли и для развитія литературы у насъ въ теченіе всей однообразной и послѣдовательной тридцатилѣтней системы. Поводья какъ будто ослабли; мысль и сознаніе, бродившія въ обществѣ, не смотря на случайное появленіе свое, стали получать тогда болѣе опредѣленную форму и выраженіе. Цензура сдѣлалась какъ бы благодушнѣе, смотрѣла иногда сквозь пальцы. Это была передышка въ нѣкоторомъ родѣ и очень скоро, съ 1848 года, эта цензура съ усиленною дѣятельностью принялась за хирургическую операцію вылущиванія

мысли. Какъ ни много было заказано вообще путей русской литературѣ, все же, въ эти льготные годы, мы слышимъ въ ней толки о самобытности, о дѣйствительности, о болѣе широкомъ и вѣрномъ изображеніи жизни; мы видимъ появленіе двухъ литературныхъ партій, въ основѣ которыхъ была сознательная мысль и зародыши политическихъ убѣжденій. Нравственное чувство и умственные интересы пробуждаются и растутъ въ обществѣ. Главное содержаніе этого возбужденія давалось европейскими вліяніями. Высока и крѣпка была та китайская стѣна, которая поднималась на западной нашей границѣ, но для крылатыхъ свойствъ человѣческой мысли она не была безусловнымъ препятствіемъ, а въ Европѣ въ это время, послѣ спокойныхъ годовъ, слѣдовавшихъ за паденіемъ Наполеона и только на короткое время прерванныхъ іюльскими днями, развивалось и крѣпло умственное движеніе. Мысль зрѣла, дѣлалась интенсивнѣе; она стала касаться самыхъ существенныхъ и коренныхъ сторонъ человѣческаго общества и, недовольная ходомъ исторіи, результатами продолжительной и жестокой борьбы, только что пережитой Европою, осуждала эту исторію. Содержаніе этой европейской мысли, недоступное массѣ, необходимо должно было войти въ сознаніе незначительнаго меньшинства русскаго общества, которое шло по историческому пути проложенному Петромъ В. Это образованное меньшинство конечно принадлежало литературѣ. Мы видѣли, что она развивалась. Анализъ окружающихъ ее явленій былъ необходимъ. Неизбѣжнымъ явленіемъ анализирующей мысли было критическое недовольство. Счастлива та страна, гдѣ не засыпаетъ этотъ критическій процессъ мысли и, возбуждая дѣятельность сознанія, раскрывая „несовершенства и бѣдность“, работаетъ безостановочно для лучшаго будущаго. Мысль можно изуродовать, пустить ее по кривымъ путямъ, но она не заглохнетъ, не уснетъ на вѣки.

На Гоголя, какъ основателя школы, на молодыхъ талантливыхъ его продолжателей въ литературѣ, какъ извѣстно, долго падали обвиненія за *отрицательное* или какъ стали потомъ выражаться—за *обличительное направленіе*, за то, что они постоянно изображаютъ все „бѣдность да бѣдность, да несовершенства человѣческой жизни“, но въ изображеніи отрицательныхъ явленій, если въ нихъ была жизненная правда, и заключался успѣхъ литературы. Она

разсталась съ ложью и фразою, еслибъ даже въ нихъ и заключался „насъ возвышающій обманъ“; она стала однимъ изъ существенныхъ факторовъ духовнаго развитія страны: она дѣлала гражданскій подвигъ. За отталкивающими явленіями, ею изображаемыми, носились впереди, какъ цѣль, свѣтлые идеалы; она призывала ихъ, ждала ихъ осуществленія; отрицаніе являлось сознаніемъ того, что должно быть вмѣсто того, что на самомъ дѣлѣ было. Говорить поэтому объ односторонности этого направленія, даже оскорбляться имъ, какъ это часто случалось въ полемикѣ тѣхъ годовъ — было совершенно несправедливо. „Натуральная“ школа имѣла будущее.

Въ эпоху первой литературной дѣятельности Достоевскаго, то есть до 1849 года, это направленіе имѣло уже нѣсколькихъ талантливыхъ представителей. Упомянемъ прежде всего о Григоровичѣ, товарищѣ по Инженерному училищу Достоевскому. Его „Деревня“, его „Антонъ Горемыка“, написанные въ то время съ теплою любовью къ рускому крестьянину въ его безправномъ положеніи, и съ замѣчательнымъ талантомъ, были какъ бы откровеніемъ новой стороны русской жизни, совсѣмъ неизвѣстной прежде или представляемой чрезвычайно фальшиво. Не смотря на нѣкоторую молодую идеализацію свою, совершенно необходимую въ виду той высокой и благородной цѣли, которая присутствовала въ сознаніи автора, повѣсти эти вносили въ общество міръ новыхъ и плодотворныхъ идей, затрогивали, хотя и робко крестьянскій вопросъ, строго запрещенный для литературы. „По прочтеніи трогательной повѣсти „Антонъ Горемыка“ въ голову невольно тѣснятся мысли грустныя и важныя“ — сказалъ о ней Бѣлинскій. Тургеневъ, этотъ величайшій послѣ Гоголя нашъ художникъ, тогда же отъ первоначальныхъ поэтическихъ попытокъ, гдѣ его мысль еще бродила между портретами и сценами русской провинціальной и помѣщичьей жизни и общими человѣческими идеалами, обратился къ тому что онъ наблюдалъ, что хорошо знаетъ, чему горячо сочувствуетъ его сердце,—къ русской природѣ и той же печальной дѣйствительности, которую затронулъ и Григоровичъ. Рядъ великолѣпныхъ очерковъ „Записки Охотника“, останется навсегда однимъ изъ драгоцѣнныхъ достояній русской литературы, гдѣ образы дѣйствительности схвачены глубокимъ чувствомъ поэта и тонкимъ умомъ наблюдателя. По другой

дорогѣ пошелъ Гончаровъ, но и его первый романъ „Обыкновенная Исторія“, хотя и не касающаяся общественныхъ вопросовъ, принадлежитъ также къ натуральной, или лучше сказать, къ реальной школѣ, основателемъ которой былъ Гоголь. Лица Гончарова, обрисованныя съ холоднымъ увлеченіемъ настоящаго художника, стоятъ предъ читателемъ какъ живыя, будятъ его мысль, но не заставляютъ задумываться о той общественной средѣ, къ которой они принадлежатъ. Къ этимъ главнымъ представителямъ „натуральной школы“, необходимо присоединить еще одного, произведенія котораго относятся къ тѣмъ же годамъ и часто появлялись тогда въ нашихъ журналахъ. Мы говоримъ объ авторѣ весьма замѣчательной повѣсти „Кто виноватъ?“, нѣкоторыхъ другихъ разсказовъ, затрогивающихъ, какъ „Сорока - воровка“ напримѣръ, въ высшей степени любопытные вопросы русскаго общественнаго сознанія, и цѣлаго ряда статей научнаго содержанія по исторіи философіи и по философіи исторіи, отличающихся глубиною смѣлой и самостоятельной мысли и изложенныхъ такимъ блестящимъ, оригинальнымъ и остроумнымъ слогомъ, какой изъ всѣхъ русскихъ писателей того времени принадлежалъ исключительно ему. О значеніи критики Бѣлинскаго, какъ для объясненія Гоголя и его школы, такъ и для указанія цѣлей и стремленій для всей русской литературы, мы уже говорили. Это былъ великій и благородный учитель для всѣхъ писателей.

Въ этихъ главныхъ представителяхъ въ то время нашей литературы заключался успѣхъ общественнаго сознанія. Они были отраженіемъ этого сознанія. Литература измѣнила радикальнымъ образомъ и содержаніе и тонъ свой. Повѣсти великосвѣтскаго содержанія, безъ которыхъ не обходилась ни одна книжка прежнихъ журналовъ, съ ходульными героями и эффектно-невозможными страстями, историческіе романы, гдѣ изображались въ совершенно ложномъ свѣтѣ и съ напыщенною реторикою, придуманныя патріархальныя добродѣтели русскаго человѣка, quasi - патріотическія драмы Кукольника и Полеваго и много другихъ того же рода явленій сдѣлались теперь невозможными. Литература оставила блестящій салонъ и пошла въ бѣдную избу, въ мрачный петербургскій „уголъ“; она поднималась на „вершины“ многоэтажныхъ петербургскихъ домовъ, спускалась въ сырые и затхлые подвалы, гдѣ гнѣздятся люди обойденные судьбой,

падшіе и несчастные, „униженные и оскорбленные", но все таки люди и братья. Съ участіемъ и любовью, съ глубокимъ уваженіемъ нравственнаго человѣческаго достоинства, подъ лохмотьями нищеты, литература искала человѣка и, изображая его страданія, старалась показать, на сколько это было возможно для нея въ ея несвободномъ состояніи, на чемъ и на комъ лежитъ вина часто незаслуженнаго страданія, съ кого взыскать обиду. Извѣстно, что тогдашнее общество было значительно проникнуто благотворительнымъ или филантропическимъ направленіемъ; для однихъ это было дѣломъ христіанскаго убѣжденія и чувства, для другихъ — дѣломъ подражанія и моды. „Общество посѣщенія бѣдныхъ въ Петербургѣ" основано было въ тѣ годы на очень широкихъ и разумныхъ основаніяхъ. Его любопытная исторія закончилась закрытіемъ по распоряженію высшей власти, но оно отвѣчало требованіямъ времени. Бѣлинскій говоритъ, что все это направленіе общества должно было необходимо отразиться въ литературѣ, какъ его выраженіи. Но литература, по словамъ его, сдѣлала едва ли не больше: „она скорѣе способствовала возбужденію въ обществѣ такого направленія, нежели только отразила его, скорѣе упредила его, нежели только не отстала отъ него" (*Сочин.* XI, 349—350).

Участникомъ этого крайне любопытнаго и плодотворнаго литературнаго движенія сдѣлался и Достоевскій. Въ 1845 году имъ написана была первая повѣсть „Бѣдные Люди". Исключительно литературное образованіе побудило его испробовать себя въ сочинительствѣ. По его собственному разсказу, Достоевскій сталъ авторомъ случайно, „вдругъ, до тѣхъ поръ еще ничего не писавши" (*Дневн. Пис.* 1877 г. стр. 21). Повѣсть создалась очевидно подъ вліяніемъ Гоголя, критики Бѣлинскаго и общаго направленія тогдашней литературы нашей. Достоевскій любилъ вспоминать о первомъ, для него самаго неожиданномъ и чрезвычайномъ успѣхѣ повѣсти, въ особенности потому, что это литературное произведеніе сблизило его съ Некрасовымъ и Бѣлинскимъ; послѣдняго „я читалъ уже нѣсколько лѣтъ, говоритъ онъ, но онъ мнѣ казался грознымъ и страшнымъ". Чтеніе повѣсти въ рукописи привело въ восторгъ Некрасова и самаго грознаго и страш-

наго критика. И это было совершенно естественно: въ повѣсти было много теплаго сердечнаго чувства и ея незамысловатое содержаніе уносило читателя въ міръ незаслуженнаго страданія, въ міръ простыхъ людей, которыхъ безпощадно затираетъ жерновъ жизни, и неправильныхъ общественныхъ отношеній. „Я писалъ „Бѣдныхъ Людей" со страстью, почти со слезами"—говоритъ Достоевскій. „Какой восторгъ, какой успѣхъ!" повторялъ онъ. Григоровичъ и Некрасовъ привели начинающаго писателя къ Бѣлинскому, и тотъ, съ горящими глазами, съ сердечнымъ волненіемъ, привѣтствуя Достоевскаго, какъ „непосредственнаго художника", добивался отъ него сознательнаго пониманія того, что онъ изобразилъ, добивался отъ него убѣжденій и спрашивалъ его: осмыслилъ ли онъ себѣ *страшную правду* своего разсказа. Бѣлинскій поздравилъ его великимъ художникомъ и Достоевскій вышелъ отъ него въ упоеніи. „И неужели въ правду я такъ великъ! восклицалъ онъ въ робкомъ восторгѣ. Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни. Я въ каторгѣ, вспоминая ее, укрѣплялся духомъ. Теперь еще вспоминаю ее каждый разъ съ восторгомъ"—говоритъ онъ уже въ послѣдніе годы (*Дневн.* 1877 г. стр. 24).

Ни одинъ романъ Достоевскаго, считая и послѣдніе, не имѣлъ такого успѣха въ обществѣ, какъ „Бѣдные Люди". Этому успѣху способствовало и тогдашнее общественное настроеніе и рѣшающій голосъ Бѣлинскаго. Критикъ предсказывалъ, что Достоевскому „какъ кажется, суждено играть значительную роль въ нашей литературѣ", говорилъ, что сущность и значеніе разсказа и глубоки и многозначительны, что „сила, глубина и оригинальность таланта Достоевскаго признана тотчасъ же всѣми". Многіе однакожъ изъ тогдашнихъ читателей поняли и внѣшніе недостатки писателя: утомляющую растянутость разсказа, ненужныя повторенія и излишнюю плодовитость. Все это приписывали молодости автора, еще не установившагося, не вошедшаго въ надлежащую мѣрку таланта. Бѣлинскій принадлежалъ къ числу самыхъ страстныхъ, увлекающихся натуръ и, какъ извѣстно, очень скоро разочаровался въ художественной полнотѣ таланта Достоевскаго, и сталъ очень строго относиться къ его произведеніямъ. Въ настоящее время всякій знаетъ, что эта ранняя, первая повѣсть Достоевскаго имѣетъ только историческое значеніе, что общество къ счастью далеко ушло отъ ея бѣднаго

содержанія, что это не такое художественное произведеніе, къ которому можно обратиться или за поученіемъ или за высокою прелестью образовъ, никогда не утрачивающихъ своей молодости.

Что такое эта первая повѣсть, которою такимъ блестящимъ образомъ началась литературная дѣятельность Достоевскаго? Это весьма простой разсказъ, изъ жизни тѣхъ людей, которые нанимаютъ бѣдную комнату или „уголъ“ въ Петербургѣ, ѣдятъ съ грѣхомъ пополамъ, отказываютъ себѣ въ малѣйшей бездѣлицѣ, считая копѣйки и сберегая кусочки сахару. Всѣ духовные интересы ихъ ограничиваются чтеніемъ случайно попавшей въ руки книжки или представленіемъ на сценѣ Александринскаго театра. Но въ этой скудной жизни не умираетъ человѣческое сердце, горитъ искра чувства, есть свои радости и свои страданія, столь же глубокія, столь же понятныя, какъ и вездѣ, гдѣ страдаетъ и радуется человѣкъ. Пусть однако Достоевскій самъ разскажетъ о содержаніи своихъ „Бѣдныхъ Людей“. Онъ читалъ ихъ въ кругу знакомаго семейства: „Старикъ ожидалъ чего-то непостижимо-высокаго, такого, чего онъ пожалуй и самъ не могъ понять, но только непремѣнно высокаго; а вмѣсто того вдругъ *такія будни и все такое извѣстное, вотъ точь въ точь какъ то самое, что обыкновенно кругомъ совершается.* И добро бы большой или интересный человѣкъ былъ герой или изъ историческаго чего нибудь въ родѣ Рославлева или Юрія Милославскаго: а то выставленъ какой-то маленькій, *забитый* и даже глуповатый чиновникъ, у котораго и пуговицы на вицмундирѣ осыпались, и все это такимъ простымъ слогомъ описано, ни дать ни взять какъ мы сами говоримъ.... Прежде чѣмъ я дочелъ до половины, у всѣхъ моихъ слушателей текли изъ глазъ слезы.... Старикъ уже отбросилъ всѣ мечты о высокомъ.... Такъ, себѣ, просто разсказецъ; за то сердце захватываетъ, говорилъ онъ: *за то становится понятно и памятно, что кругомъ происходитъ, за то познается, что самый забитый, послѣдній человѣкъ есть тоже человѣкъ, и называется братъ мой!*“ (*Униж. и Оскорбл.*, стр. 38—39).

Начинающій романистъ выбралъ и форму, употребляемую неискусившимися въ романѣ писателями: форму писемъ. Это обстоятельство помѣшало Достоевскому болѣе глубокимъ психологическимъ образомъ развить ту нѣсколько странную

старческую привязанность Макара Алексѣевича Дѣвушкина, которую онъ питаетъ въ качествѣ дальняго родственника къ молодой дѣвушкѣ, брошенной обольстителемъ ее купившимъ. Въ изображеніяхъ жизни, окружающей старика и дѣвушку, мы находимъ тѣже симпатіи писателя, которыя сохранились въ немъ и въ послѣдніе годы и въ позднѣйшихъ, гораздо шире задуманныхъ романахъ. Таковы у него фигуры бѣдныхъ дѣтей, загнанныхъ, болѣзненныхъ и задумчивыхъ. Нищій ребенокъ, окоченѣвшій отъ мороза, посинѣлый отъ холода, бѣдненькій и запуганный, голодный, кашляющій и чахлый, заглядѣвшійся на куколъ танцующихъ у шарманщика (стр. 134) появляется и на страницахъ „Дневника Писателя". Лицо Варвары Алексѣвны повторилось и въ Наташѣ романа „Униженные и Оскорбленные" и отчасти въ Софьѣ Мармеладовой въ „Преступленіи и Наказаніи", хотя самъ Дѣвушкинъ очевидно нарисованъ по типу героя Гоголевской „Шинели". Передъ нами проходятъ тѣже лица, которыя и позднѣе повторяются нѣсколько разъ, напр. этотъ излюбленный Достоевскимъ типъ чиновника безъ мѣста, исключеннаго изъ службы и подъ часъ испивающаго: „такой сѣденькій, маленькій; ходитъ въ такомъ засаленномъ, въ такомъ истертомъ платьѣ, что больно смотрѣть.... Жалкій, хилый такой; колѣнки у него дрожатъ, руки дрожатъ, голова дрожитъ, ужъ отъ болѣзни что ли какой, Богъ его знаетъ; робкій, боится всѣхъ, ходитъ сторонoчкой: ужъ я застѣнчивъ подъ часъ, а этотъ еще хуже" (*Бѣдные Люди*, стр. 20). Эта фигура, со всегдашнею слезинкою, которая гноится у ней на рѣсницахъ—тотъ же типъ смиренія и забитости, какимъ является и самъ Дѣвушкинъ, человѣкъ смирный, человѣкъ маленькій. Герой романа—простой переписчикъ и гордится этимъ: „я работаю, я потъ проливаю"—говоритъ онъ. Кто-то назвалъ его крысой. „Ну, пожалуй, пусть крыса, коли сходство нашли. Да крыса-то эта нужна, да крыса-то эта пользу приноситъ, да за крысу-то эту держатся, да крысѣ-то этой награжденіе выходитъ,—вотъ она крыса какая!" (*Б. Л.* стр. 64). Бѣдные люди капризны и взыскательны; негаснущая искра человѣческаго достоинства дѣлаетъ ихъ подозрительными. „Онъ, бѣдный-то человѣкъ, взыскателенъ; онъ и на свѣтъ-то Божій иначе смотритъ, и на каждаго прохожаго косо глядитъ, да вокругъ себя смущеннымъ взоромъ поводитъ, да прислушивается къ каждому слову,—дескать, не про него ли тамъ

что говорятъ?“ (стр. 100). Какъ требовало время, этотъ бѣдный человѣкъ—„безъ малѣйшаго вольнодумства и либеральныхъ мыслей“; онъ никогда не замѣченъ ни въ какихъ большихъ проступкахъ и продерзостяхъ: „чтобы этакъ противъ постановленій что нибудь или въ нарушеніи общественнаго спокойствія“ (стр. 89). Правда, и въ его головѣ, особенно когда онъ выпьетъ, невольно иной разъ подымаются „проклятые вопросы“. Идетъ онъ по богатой и шумной петербургской улицѣ; блестятъ и горятъ магазины; за зеркальными стеклами разложены наряды, которые богатые люди дарятъ своимъ женамъ, съ грохотомъ несутся экипажи; на бархатѣ и шелку сидятъ въ нихъ разодѣтыя дамы, графини и княгини, и изнываетъ сердце бѣдняка. „Отчего это такъ случается, мучительно стоитъ вопросъ въ его головѣ, что вотъ хорошій-то человѣкъ въ запустѣньи находится, а къ другому кому счастіе само напрашивается? Знаю, знаю, маточка, что не хорошо это думать, что это вольнодумство, но по искренности, по правдѣ-истинѣ, зачѣмъ одному еще во чревѣ матери прокаркнула счастье ворона - судьба, а другой изъ Воспитательнаго дома на свѣтъ Божій выходитъ? И вѣдь бываетъ же такъ, что счастье-то Иванушкѣ - дурачку достается. Ты, дескать, Иванушка - дурачекъ, ройся въ мѣшкахъ дѣдовскихъ, пей, ѣшь, веселись, а ты, такой-сякой, только облизывайся; ты, дескать, на то и годишься, ты, братецъ, вотъ какой! Грѣшно, маточка, оно грѣшно этакъ думать, да тутъ по неволѣ какъ-то грѣхъ въ душу лѣзетъ“ (стр. 131). И не находитъ мучительный вопросъ жизни отвѣта въ головѣ бѣдняка или разрѣшается смиреннымъ фатализмомъ: „Всякое состояніе опредѣлено Всевышнимъ на долю человѣческую. Тому опредѣлено быть въ генеральскихъ эполетахъ, этому служить титулярнымъ совѣтникомъ; такому-то повелѣвать, а такому-то безропотно повиноваться“ (стр. 88). Но этотъ низменный фатализмъ былъ разумѣется лишь въ головѣ чиновника Дѣвушкина. Достоевскій думалъ конечно иначе и выставляя свои жалкія лица: оборванныхъ, запуганныхъ бѣдняковъ чиновниковъ, дрожавшихъ предъ *Ихъ* превосходительствомъ, бѣдныхъ дѣвушекъ, которыя безъ сознанія, безъ воли, какъ цвѣты подъ морозомъ, гибнутъ жертвами разврата и насилія, болѣзненно - нервныхъ дѣтей съ широко - раскрытыми глазенками, задумывающихся посреди

веселья, съ исхудалыми, какъ кисточки, ручками, понималъ какой міръ онъ изображаетъ.

Не даромъ Бѣлинскій, прочитавъ „Бѣдныхъ Людей“, жадно спрашивалъ молодаго автора, понимаетъ ли онъ самъ, что такое написалъ, осмыслилъ ли онъ всю ту страшную правду, на которую указалъ въ романѣ и желалъ узнать „объемъ его мысли“. Бѣлинскій, какъ человѣкъ много думавшій, постоянно развивавшійся, страстно любившій русскую литературу, прежде всего хлопоталъ о жизненной правдѣ литературнаго созданія и требовалъ отъ автора вѣрности дѣйствительности, конечно въ соединеніи съ художественными достоинствами. Какъ человѣкъ, воспитанный на нѣмецкихъ эстетическихъ теоріяхъ и на строго-художественныхъ, пластично-ясныхъ созданіяхъ Пушкина и Гоголя, онъ высоко цѣнилъ это художественное достоинство разсказа, а этимъ послѣднимъ качествомъ не отличался Достоевскій ни въ первую пору своей писательской дѣятельности, ни подъ конецъ своей жизни, когда пріобрѣталъ симпатіи вовсе не какъ художникъ. Не было въ Достоевскомъ и того, что наравнѣ съ художественнымъ творчествомъ высоко цѣнилъ критикъ. Достоевскій, какъ мы видѣли, получилъ весьма поверхностное, если не жалкое образованіе; все оно было направлено исключительно на спеціальное знаніе и готовило для спеціальной службы; послѣднюю онъ не любилъ и очень скоро разстался съ нею, а о школѣ говорилъ, какъ мы видѣли, съ проклятіемъ. Сравнительно съ тѣми четырьмя - пятью писателями, упомянутыми нами, сверстниками по годамъ Достоевскаго и близкими къ Бѣлинскому людьми, онъ былъ въ невыгодномъ положеніи. Для нихъ существовали особыя, исключительныя и благопріятныя обстоятельства, которыя дали имъ возможность слѣдить за умственнымъ развитіемъ современности, жить европейскими идеями и духовными интересами, совершенно недоступными Достоевскому. Ихъ рѣдкія, но полныя содержанія и отдѣлки произведенія, стояли на уровнѣ требованій строгаго критика, который не видѣлъ въ авторѣ „Бѣдныхъ Людей“ и широкаго умственнаго горизонта и привычныхъ идей его круга, все таки самаго блестящаго въ Россіи въ то время, хотя и смотрѣлъ на „Бѣдныхъ Людей“, какъ на „первую попытку у насъ соціальнаго романа“ (П. В. Анненковъ, *Воспом.* III, 138).

Достоевскій, ободренный и критикою и привѣтомъ читающей публики, сталъ считать своимъ призваніемъ литературную дѣятельность, тѣмъ болѣе, что она одна давала ему средства для существованія и „Отечественныя Записки“ Краевскаго 1846 – 1849 годовъ, оставленныя Бѣлинскимъ, на своихъ убористыхъ, экономическихъ страницахъ, заключаютъ въ себѣ цѣлый рядъ произведеній Достоевскаго. Объ этомъ времени усиленной литературной дѣятельности Достоевскій сохранилъ нѣсколько воспоминаній въ своемъ романѣ „Униженные и Оскорбленные“, представивъ даже, довольно въ смѣшномъ и ироническомъ видѣ, тогдашняго редактора журнала подъ именемъ Александра Петровича. Хотя, по словамъ его, Достоевскій „твердо вѣрилъ, что ему удастся написать какую нибудь большую хорошую вещь“ (стр. 18), но приходилось писать за деньги, только о нихъ думая, забирая ихъ впередъ у редактора и спѣша окончить къ сроку работу, при напоминаніяхъ и понуканіяхъ. Достоевскій писалъ лихорадочно и тревожно, писалъ до болѣзни и нервнаго раздраженія, до боли въ спинѣ и въ груди, до дурмана въ головѣ. „Я съ какою-то яростью напалъ на бумагу: во что бы то ни стало нужно было кончить. Антрепреперъ велитъ и иначе не даетъ денегъ“—разсказываетъ онъ объ одномъ изъ такихъ дней работы (стр. 458). „Ты только испишешься Ваня, говоритъ ему любимая подруга дѣтства: изнасилуешь себя и испишешься; а кромѣ того и здоровье погубишь. Вонъ С…, тотъ въ два года по одной повѣсти пишетъ, а N… въ десять лѣтъ всего одинъ романъ написалъ. За то какъ у нихъ отчеканено, отдѣлано! ни одной небрежности не найдешь. — Да, но они обезпечены и пишутъ не на срокъ, а я—почтовая кляча!“—отвѣчаетъ онъ ей съ горемъ.

И громкій успѣхъ романа, и одобреніе знаменитаго критика должны были развить въ Достоевскомъ сильное самолюбіе, питавшееся еще другими сторонами того времени. Объ этомъ самолюбіи, объ этомъ притязаніи на удивленіе, въ которомъ можетъ быть самъ авторъ не давалъ себѣ яснаго отчета, осталось нѣсколько разсказовъ и анекдотовъ между литераторами. Но это самолюбіе, по большей части развивавшееся до крайнихъ, болѣзненныхъ предѣловъ, раздражаю-

щееся на каждомъ шагу, грызущее, какъ червякъ, больную душу и вмѣстѣ съ тѣмъ пугливое, робкое, прячущееся, доходящее до униженія, до самообвиненія, было болѣзнью цѣлаго тогдашняго поколѣнія русскихъ людей, какъ оно сложилось подъ гнетущимъ вліяніемъ домашнихъ обстоятельствъ. Странные типы людей, разумѣется я говорю о тѣхъ только, которые думаютъ и чувствуютъ, читаютъ и учатся, представляетъ намъ то время, типы, отразившіе въ себѣ, болѣзненно выстрадавшіе, выносившіе въ себѣ такъ много историческаго горя, что являются передъ наблюдателемъ совершенно больными людьми, и физически и морально. Воспитаніе, которое досталось имъ на долю, казалось имѣло цѣлью своею убить въ нихъ молодость и подавить тѣ человѣческія стремленія, которыя соединяются съ нею. Передъ ними лежали громадныя пространства родной земли, сложная жизнь, образовавшаяся исторіей, которую они хотѣли бы понять, но она давалась только въ неясныхъ очеркахъ. Тѣ, которые примирились съ жизнью и не дѣлали ей вопросовъ, у которыхъ въ душѣ не было никакихъ идеаловъ, конечно жили весело и старики съ любовью возвращаются къ воспоминаніямъ этой для нихъ счастливой, для другихъ безотрадной поры. Они дѣлали служебную карьеру и наживали состоянія, благодушествовали въ деревняхъ и хозяйничали, какъ хозяйничали въ то время. Но у людей съ незабитою, пробужденною по какимъ либо обстоятельствамъ мыслью, сердце сжималось отъ странной, новой для нихъ, неизвѣстной прежде боли. Нельзя было превратить человѣка въ несознающую, лишь исполнительную машину и сознаніе невольно пробуждалось въ умахъ лучшихъ людей поколѣнія и тѣмъ желчнѣе, тѣмъ ядовитѣе было оно, чѣмъ сильнѣе давили его. Эта молодежь выступала въ жизнь и дѣятельность безъ всякихъ преданій, съ ненавистью къ школѣ, которая убивала ее, съ разладомъ семейнымъ, такъ какъ они не могли сочувствовать тому, во что вѣрили отцы. Ихъ чувство было подавлено съ молодости, слово отличалось робостью, лишено было всякой свободы. Это не была гордая и свободная рѣчь Чацкаго, представителя прежняго поколѣнія, не стѣснявшагося своей аудиторіей и смѣло заявлявшаго свои убѣжденія. Правда, люди поколѣнія Чацкаго выросли въ иныхъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ; они были почти свидѣтелями величайшихъ событій новаго времени, нѣкоторые изъ нихъ лично принимали участіе въ

освободительной войнѣ съ Наполеономъ, дѣлали европейскій походъ, вынесли изъ него широкія европейскія вѣянія, вѣру въ европейскіе идеалы. Новое поколѣніе, къ которому принадлежалъ Достоевскій, было запугано и уныло; подъ гнетомъ воспитанія и цѣлой системы, оно состарѣлось рано, какъ бы не зная молодости. Робкая мысль этихъ людей уходила внутрь и лишь тамъ ей былъ просторъ рыться въ таинственныхъ глубинахъ человѣческаго духа, дѣлать самый кропотливый психологическій анализъ по большей части странныхъ и анормальныхъ явленій, граничащихъ съ лѣчебницею для душевно - больныхъ. Кругомъ все было пошло, прошлаго они не знали, впереди никакихъ упованій и эти люди, озлобленные и больные, находили радость только въ отрицаніи, только въ этомъ патологическомъ, мелочномъ діагнозѣ и анализѣ больничныхъ явленій духа или окружавшей ихъ, прижатой и до крайности мелкой среды. Если отцы ихъ вѣрили въ формы европейскаго либерализма, то для дѣтей, особенно послѣ Іюльской революціи, сначала встрѣченной съ восторгомъ такими людьми, какъ Бёрне и Гейне, стало ясно, что въ обществѣ были переставлены только нѣкоторыя части зданія, что переворотъ совершился въ пользу одного класса, при томъ не симпатичнаго, въ пользу эксплоататоровъ, которые съ удвоенною ревностью налегли на массы и торжествовали побѣду. Сомнѣніе въ достоинствѣ европейскихъ формъ, въ основахъ общественнаго быта Европы невольно прокрадывалось въ душу этихъ больныхъ русскихъ людей, разрушало въ нихъ вѣру въ прежнія стремленія. Съ другой стороны, дома, передъ ними, какъ неизвѣданное море, лежала громадная масса простаго, сѣраго русскаго народа въ самыхъ ненормальныхъ, ужасающихъ условіяхъ жизни, масса, изувѣченная крѣпостнымъ правомъ, запуганная многоразличными чиновниками, масса, живущая едвали не въ тѣхъ условіяхъ быта, которыя существовали во время переселенія Аріевъ. И съ глубокимъ горемъ чувствовали эти больные, надорванные русскіе люди, что ихъ жизнь далеко отводила ихъ отъ этого роднаго народа, что шире и глубже становилась пропасть, раздѣлявшая ихъ, что страшный трудъ неумолимо зоветъ ихъ, трудъ для народа, трудъ необходимый и неизбѣжный, а ему со всѣхъ сторонъ грозятъ препятствіями. Тяжелое чувство безпомощности охватывало человѣка; оно причиняло нервную, чисто физическую боль, оно могло довести до

сумасшествія, до странныхъ преувеличеній галлюцинаціи, до юродивости. „Хоть бы въ сумасшедшій домъ поступить, что ли, рѣшилъ я наконецъ, говоритъ Достоевскій, чтобъ перевернулся какъ нибудь весь мозгъ въ головѣ и расположился по новому, а потомъ опять вылѣчиться“. Это вовсе не похоже на боязнь сойти съ ума у Пушкина, который жалѣлъ, что не дойдетъ къ нему за рѣшетку: „и голосъ яркій соловья, и шумъ глухой лѣсовъ“. Достоевскій говоритъ, что и у него была жажда жизни и вѣра въ нее. „Но помню, я тогда же засмѣялся—прибавляетъ онъ.—Что же бы дѣлать пришлось послѣ сумасшедшаго-то дома? Неужели опять романы писать?....“ (*Ун. и Оск.* стр. 72).

Съ такими чувствами, съ такимъ внутреннимъ душевнымъ настроеніемъ прошла первоначальная литературная дѣятельность Достоевскаго. Это не былъ свободно - творящій художникъ, для котораго трудъ есть и освобожденіе и отрада; его не радовали образы, вызванные къ жизни, положенные на бумагу. Это были дѣти скорби и душевныхъ страданій. У Достоевскаго не было того спокойнаго творчества, какимъ въ высшей степени владѣлъ Гоголь. Не мелкою наблюдательностью, не соединеніемъ различныхъ чертъ въ одинъ могучій типъ, какъ это было у Гоголя, отличается разсказъ Достоевскаго. Мы не знаемъ исторіи его жалкихъ и странныхъ героевъ; она повидимому не интересуетъ его; онъ только съ сознательною мыслью беретъ какое либо лицо и затѣмъ съ мелкимъ психологическимъ анализомъ, забирается въ его душу и роется въ ней, придумывая въ головѣ различныя приключенія. Герои разсказовъ Достоевскаго выросли на почвѣ дѣйствительности чрезвычайно мелкой и пошлой; но вмѣстѣ съ тѣмъ они и созданія болѣзненнаго воображенія. Во время первой литературной дѣятельности своей Достоевскій, по его собственнымъ словамъ, „былъ страшный мечтатель“. Онъ жалуется на „томительное, душное, безвыходное безмолвіе долгихъ безсонныхъ ночей, среди безсознательныхъ стремленій и нетерпѣливыхъ потрясеній духа“. Поколѣнію того времени знакомы эти томительныя ночи, когда вся жизнь уходитъ въ грезу. То были не веселыя думы, въ душѣ подымались не радужныя созданія. Для людей этого поколѣнія,

съ умомъ безъ развитія, безъ содержанія (въ школѣ хлопотали лишь о дисциплинѣ), съ надломленнымъ характеромъ, безъ всякихъ наполняющихъ, подымающихъ душу и зовущихъ впередъ стремленій, съ невозможностью дѣйствовать на жизнь, съ сознаніемъ собственной жизни, какъ чего-то „затхлаго и ненужнаго", вся дѣятельность уходила лишь въ болѣзненныя грёзы, да и ими едва ли былъ доволенъ мечтатель. „Есть въ Петербургѣ довольно странные уголки, говоритъ Достоевскій. Въ эти мѣста какъ будто не заглядываетъ тоже солнце, которое свѣтитъ для всѣхъ петербургскихъ людей, а заглядываетъ какое-то другое, новое, какъ будто нарочно заказанное для этихъ угловъ, и свѣтитъ на все инымъ, особеннымъ свѣтомъ. Въ этихъ углахъ выживается какъ будто совсѣмъ другая жизнь, не похожая на ту, которая возлѣ насъ кипитъ, а такая, которая можетъ быть въ тридесятомъ невѣдомомъ царствѣ, а не у насъ, въ наше серьезное, пресерьезное время. Вотъ эта то жизнь и есть смѣсь чего-то чисто фантастическаго, и горячо идеальнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ, увы тускло прозаичнаго и обыкновеннаго, чтобъ не сказать до невѣроятности пошлаго" (*Бѣлыя Ночи*, 20—21).

Такимъ мечтателемъ былъ Достоевскій. Слабые нервы, болѣзненно-раздраженная фантазія, начальныя припадки той болѣзни, которою страдалъ Достоевскій, недовольство окружающимъ, невозможность высказать это недовольство, „когда чего-то другаго проситъ и хочетъ душа!"—вотъ тѣ условія, при которыхъ возникли странныя созданія Достоевскаго до 1849 года. Добролюбовъ, въ своей критикѣ, пытался указать на связь характеровъ Достоевскаго съ дѣйствительностью и былъ убѣжденъ, что они выросли въ жизни. Онъ шелъ даже дальше; онъ поднималъ вопросъ, „отчего эти характеры доведены до такой степени униженія, пошлости и ничтожества, отчего они образуются въ значительной массѣ, какія общія условія развиваютъ въ человѣческомъ обществѣ инерцію, въ ущербъ дѣятельности и подвижности силъ?" (*Соч.* III, 577), но для рѣшительныхъ отвѣтовъ на эти вопросы, по его собственнымъ словамъ, „еще время не пришло".

Второй большой разсказъ Достоевскаго (1846 г.): „Двойникъ. Приключенія господина Голядкина", съ мучительнымъ и доведеннымъ до мельчайшихъ подробностей анализомъ сумасшествія старается, какъ намъ кажется, объяснить причины этого сумасшествія (а оно зарождается и развивается

передъ читателемъ) именно тѣмъ обстоятельствомъ, что въ существо униженное. забитое и запуганное прокрадывается случайно сознаніе человѣческаго достоинства, желаніе такихъ же благъ, какія достаются счастливцамъ на этомъ свѣтѣ. „Можетъ быть. еслибъ кто захотѣлъ, говоритъ полоумный герой, еслибъ ужъ кому, напримѣръ, вотъ такъ, непремѣнно захотѣлось обратить въ ветошку господина Голядкина, то и обратилъ бы, обратилъ безъ сопротивленія и безнаказанно (господинъ Голядкинъ самъ въ иной разъ это чувствовалъ), и вышла бы ветошка, а не Голядкинъ,—такъ подлая, грязная вышла бы ветошка, но ветошка-то эта была бы съ амбиціей, ветошка-то эта была бы съ одушевленіемъ и чувствами, хотя бы и съ безотвѣтной амбиціей и съ безотвѣтными чувствами, и далеко въ грязныхъ складкахъ этой ветошки скрытыми, но все таки съ чувствами". По свидѣтельству Бѣлинскаго глубоко-задуманный „Двойникъ" вовсе не имѣлъ успѣха, что слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что разсказъ слишкомъ растянутъ, отчего и самая мысль автора, скрытая въ мелочныхъ подробностяхъ приключеній Голядкина, совершенно теряется. Публика не была еще пріучена къ такимъ разсказамъ. Бѣлинскому „Двойникъ" не нравился; онъ видѣлъ въ немъ: „неумѣнье богатаго силами таланта опредѣлять разумную мѣру и границы художественному развитію задуманной имъ идеи"; находилъ онъ и другой недостатокъ: это фантастическій колоритъ, но кажется намъ послѣднее невѣрно. Двойникъ, встрѣчающійся на каждомъ шагу бѣднаго и придавленнаго героя, мѣшающій ему жить—не фантастическое созданіе, а реальный продуктъ больнаго мозга Голядкина; сознаніе его раздваивается и передъ нами мучительный процессъ этого раздвоенія одного и того же характера на двѣ половины. Но и въ головѣ самаго писателя долженъ былъ совершаться тоже тяжелый и мучительный процессъ для того, чтобъ съ такимъ неумолимымъ хладнокровнымъ вниманіемъ, съ такою, если можно такъ выразиться, *сосредоточенною злобою* останавливаться на мелкихъ, ничтожныхъ и больныхъ приключеніяхъ Голядкина. Да, всѣ эти герои Достоевскаго, по его собственнымъ словамъ, „жалкое, уродливое, недоношенное племя, *племя корчащихся подъ свалившимися на нихъ камнями*" (*Дневн. Пис.* 1876 г. стр. 145). Таковъ жалкій чиновникъ господинъ Прохарчинъ, въ разсказѣ подъ этимъ названіемъ, смирный,

таинственный и одинокій, у котораго вся незамѣтная для другихъ энергія уходитъ на откладываніе остатковъ отъ скуднаго содержанія на случай упраздненія той канцеляріи, гдѣ служитъ. Но Прохарчину не удалось воспользоваться сбереженіями; онъ умираетъ отъ паралича и накопленныя деньги достаются другимъ. Таковъ бѣдный, гораздо болѣе симпатичный молодой чиновникъ Вася Шумковъ въ повѣсти „Слабое сердце“ (1848 г.), влюбленный въ свою невѣсту, мечтающій о будущемъ счастьи, съ наивно - радостнымъ чувствомъ долго выбирающій у француженки-модистки чепчикъ своей невѣстѣ для подарка на новый годъ и въ этомъ увлеченіи молодой любви забывающій, что ему надобно переписать къ назначенному сроку бумаги, данныя ему начальникомъ. Не то, чтобъ онъ забылъ о долгѣ, но онъ обманулъ себя, чтобъ постылымъ трудомъ не помѣшать дорогому счастью, чтобъ на нѣсколько времени не думать объ этомъ трудѣ. Но трудъ неумолимо встаетъ наконецъ передъ нимъ; онъ надѣется кончить; онъ пишетъ и пишетъ до тѣхъ поръ, пока товарищъ его по комнатѣ „съ ужасомъ не замѣтилъ, что Вася водитъ по бумагѣ сухимъ перомъ, перевертываетъ совсѣмъ бѣлыя страницы и спѣшитъ, спѣшитъ наполнить бумагу, какъ будто онъ дѣлаетъ отличнѣйшимъ и успѣшнѣйшимъ образомъ дѣло!“ Бѣднякъ сошелъ съ ума отъ „слабаго сердца“, на мысли, что его отдадутъ въ солдаты (такое наказаніе было тогда не рѣдкостью) и въ изорванномъ мозгу его стояла неотразимо одна только мысль: „За что же ее убивать? чѣмъ же она, чѣмъ же она виновата?—Прощай, моя люба! Прощай, моя люба! шепталъ онъ, качая бѣдной своей головой“. Сердце сжимается болью отъ этой ненужной жертвы, отъ этой бѣды, какъ бы упавшей съ неба. Кто виноватъ въ этомъ несчастьи Васи? Неужели только слабое сердце? И Васю, какъ и господина Голядкина, увезли въ сумасшедшій домъ. Счастье его, что въ бреду станетъ ему грезиться его „люба“, тогда какъ Голядкинъ не отдѣлается отъ представленія „своихъ враговъ, согласившихся погубить его“. Задумался другъ Васи: „Какая-то странная дума посѣтила осиротѣлаго товарища бѣднаго Васи. Онъ вздрогнулъ, и сердце его какъ будто облилось въ это мгновеніе горячимъ ключомъ крови, вдругъ вскипѣвшей отъ прилива какого-то могучаго, но доселѣ незнакомаго ему ощущенія. Онъ какъ будто только теперь понялъ всю эту тревогу и узналъ, отъ чего со-

шелъ съ ума его бѣдный, не вынесшій своего счастья Вася. Губы его задрожали, глаза вспыхнули, онъ поблѣднѣлъ, и *какъ будто прозрѣлъ* во что-то новое въ эту минуту"...

Эти три разсказа Достоевскаго изъ первой поры его литературной дѣятельности кажутся намъ лучшими: въ нихъ авторъ съ грустною думою подходитъ къ дѣйствительности и пытается изобразить въ лицахъ, въ людяхъ, не выхваченныхъ изъ жизни и изученныхъ съ строгою наблюдательностью, а созданныхъ его воображеніемъ и глубоко обдуманныхъ, каково должно быть на нихъ вліяніе окружающей и гнетущей ихъ среды. Сознательная мысль, которая легла въ основу этихъ произведеній, внушена была автору современною критикою, которая была учительницею и общества и авторовъ. Правда, какъ за Дѣвушкинымъ выглядываетъ Гоголевскій обладатель шинели, такъ за Голядкинымъ и Васей подымается знакомая всѣмъ фигура Аксентія Иванова Поприщина, но связь этихъ второстепенныхъ повтореній первоначальнаго типа со средою ихъ создавшею яснѣе сознается читателемъ. Современная критика упрекала Достоевскаго за то, что онъ „любитъ сумасшествіе — для сумасшествія", но это не такъ: упорное, болѣзненное и постоянное вращаніе въ сферѣ идей, близко граничащихъ съ душевною болѣзнью, которая сама возникала подъ вліяніемъ соціальныхъ причинъ, было сущностью таланта Достоевскаго. Оно вызывалось и тою странною жизнью, какую велъ онъ, уже страдающій нервными припадками. Большая повѣсть „Хозяйка" (1847), по словамъ тогдашней критики, „порождена душнымъ затворничествомъ, четырьмя стѣнами темной комнаты, въ которой заперлась отъ свѣта и отъ людей болѣзненная до крайности фантазія" (П. В. Анненковъ, *Воспом. и критич. оч.* II, 23). Достоевскій взялся въ ней за лица, какихъ онъ никогда не видалъ, за изображеніе совершенно незнакомой ему жизни; его фантазія, опиравшаяся на знакомый ему міръ бѣднаго петербургскаго чиновничества, оказалась въ этомъ случаѣ совершенно безсильною, а странный языкъ въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ — безжизненною поддѣлкою подъ народную рѣчь. Недостатокъ наблюденія, необходимый для автора, бросается въ глаза читателю особенно въ тѣхъ разсказахъ Достоевскаго, которые онъ началъ писать въ 1848 году, подъ названіемъ „Разсказы бывалаго человѣка". Эти разсказы одолжены своимъ появленіемъ „Запискамъ Охотника". Художественные,

простые, проникнутые поэзіей и тонкою наблюдательностью очерки Тургенева, знакомаго съ тѣмъ, что онъ описываетъ, стали пользоваться тогда чрезвычайнымъ успѣхомъ. Міръ, изображаемый Достоевскимъ, совсѣмъ иной. Это тѣже жалкіе обитатели бѣдныхъ петербургскихъ „угловъ", придавленные нуждою, горемъ и пьянствомъ; это не жизнь дѣйствительная, да и самъ „бывалый человѣкъ", какъ называетъ себя авторъ, говоритъ, что онъ „живетъ уединенно, совсѣмъ затворникомъ. Знакомыхъ у меня почти никого; выхожу я рѣдко. Десять лѣтъ проживъ глухаремъ, я конечно привыкъ къ уединенію". Оттуда же взять ему наблюдательности, необходимой автору?

Начатки меткаго анализа человѣческихъ чувствъ, въ которомъ Достоевскій является такимъ мастеромъ въ послѣдніе годы своей жизни, можно найти въ небольшихъ сценкахъ, гдѣ обрисованъ съ значительнымъ, хотя и тяжелымъ юморомъ, типъ ревниваго мужа. Таковы разсказы „Чужая жена" и „Ревнивый мужъ" (1848). Почему-то къ этому типу Достоевскій возвратился и потомъ, и въ позднѣйшемъ разсказѣ „Вѣчный мужъ" (1871) желалъ возбудить какъ бы сочувствіе къ ревнивцу, пытался выставить въ немъ что-то трагическое. Сантиментальный романъ изъ того же времени „Бѣлыя Ночи" (1848) любопытенъ потому, что тотъ же „бывалый человѣкъ", какимъ назвалъ себя авторъ, выставляется въ новомъ свѣтѣ. Мы видимъ молодаго Достоевскаго въ качествѣ „мечтателя" въ уединенномъ петербургскомъ „углу" и этотъ типъ онъ старается опредѣлить. Это—улитко-образное существо, приросшее въ своемъ углу, съ слабыми нервами, съ болѣзненно - раздраженной фантазіей, наполненной образами инаго міра, картинами новой, очаровательной жизни, когда кругомъ „все такъ холодно, угрюмо, сердито". „Безсонныя ночи проходятъ, какъ одинъ мигъ, въ неистощимомъ весельи и счастьи и, когда заря блеснетъ розовымъ лучемъ въ окна и разсвѣтъ освѣтитъ угрюмую комнату своимъ сомнительнымъ фантастическимъ свѣтомъ, какъ у насъ, въ Петербургѣ, нашъ мечтатель, утомленный, измученный, бросается на постель и засыпаетъ въ замираніяхъ отъ восторга своего болѣзненно-потрясеннаго духа и съ такою томительно-сладкою болью въ сердцѣ". Посреди такихъ грезъ авторъ жалуется, что онъ „потерялъ всякій тактъ, всякое чутье въ настоящемъ, дѣйствительномъ", а „между тѣмъ чего-то дру-

гаго проситъ и хочетъ душа“. Жизни нѣтъ или она освѣщена лишь тѣмъ блѣднымъ и трепетнымъ свѣтомъ, какой даютъ бѣлыя петербургскія ночи. Естественно, что тутъ не создаются цѣльныя, законченныя созданія.

Въ большомъ романѣ Достоевскаго „Неточка Незванова. Исторія одной женщины“ (От. Зап. 1849 г. №№ 1, 2 и 5), неоконченномъ по случаю катастрофы съ авторомъ, онъ пытается овладѣть типомъ молодой дѣвушки, сохранившей дѣвственную поэзію и прелесть посреди самыхъ ужасающихъ условій бѣдной жизни, съ рано развитымъ сознаніемъ жизненнаго горя, между забитою и вѣчно - больною матерью и пьяницею вотчимомъ, въ жалкомъ углу, „гдѣ никогда не смѣются, никогда не радуются, гдѣ вѣчное, нестерпимое горе“ съ „чадомъ безпорядочной жизни“ и Неточка рано стала ломать голову, стараясь угадать отчего это такъ. И она, какъ и самъ авторъ, уходитъ со всѣми своими желаніями и надеждами въ фантастическія грезы, теряя всякій тактъ и всякое чувство дѣйствительности. Въ вѣчныхъ ссорахъ между вотчимомъ и матерью, дитя должно было стать на чью либо сторону и она выбрала полусумасшедшаго вотчима, „отъ того, что онъ былъ такъ жалокъ, такъ униженъ въ глазахъ моихъ“. Когда, послѣ страшной катастрофы, героиня осталась сиротою и сдѣлалась пріемышемъ въ княжескомъ домѣ, ея симпатіи сосредоточиваются на бѣдномъ мальчикѣ, находившемся на одинаковыхъ съ нею условіяхъ въ томъ же домѣ, и она полюбила этого „бѣдненькаго мальчика, вздрагивавшаго отъ малѣйшаго шума, отъ каждаго голоса, со слезой, набѣгавшей на его маленькія, рыженькія рѣсницы, когда бывало онъ забьется въ уголъ одинъ, и, думая, что его никто не видитъ, хнычетъ потихоньку“..... Но въ этомъ мальчикѣ просыпается злое чувство, желаніе выместить на другихъ обиды, посланныя ему жизнью. Въ немъ развивается мрачная подозрительность, все окружающее кажется ему сурово, неумолимо - враждебнымъ къ нему и Неточка сближается съ этимъ оскорбленнымъ и уже мечтающимъ о мести существомъ, но авторъ не даетъ развитія этому рано озлобленному характеру. Сама Неточка живетъ только головными грезами, въ рѣзкомъ отчужденіи отъ всего окружающаго; въ жизни ея нѣтъ никакихъ радостей. Не знаемъ какъ бы развернулся романъ, еслибъ Достоевскому была возможность кончить его.

Извѣстно, что первая, молодая литературная дѣятельность Достоевскаго была неожиданно и насильственно прервана въ началѣ 1849 года слѣдствіемъ, судомъ и ссылкою въ каторжныя работы за его участіе въ обществѣ молодыхъ людей съ противо-государственнымъ направленіемъ. Это направленіе заключало въ себѣ цѣлый и законченный кругъ идей, могущественныхъ по своему содержанію и по тому, что онѣ близко и непосредственно касались самыхъ существенныхъ вопросовъ жизни, давали на многое положительный отвѣтъ и слѣдовательно не могли не увлечь тогдашнее молодое поколѣніе, у котораго въ прошедшемъ не было никакихъ воспоминаній, ничего дорогаго, а настоящее представляло возможность лишь безцвѣтной и безполезной дѣятельности, не удовлетворявшей ни умъ, ни сердце. Покойный Достоевскій не разъ въ своихъ сочиненіяхъ возвращался къ воспоминаніямъ объ этихъ увлеченіяхъ своей молодости. Идеи, которыя волновали тогда его и значительный кружокъ современниковъ, разумѣется въ общемъ, отвлеченномъ своемъ видѣ, имѣли близкое отношеніе къ направленію и содержанію его разсказовъ; мы думаемъ даже, что общій фонъ ихъ, конечно съ примѣсью многаго пережитаго потомъ, и вслѣдствіе страданій, и вслѣдствіе долгой и мучительной, прерываемой лишь столь же мучительными нервными припадками, думы о Россіи, остался и въ позднѣйшихъ его сочиненіяхъ, особенно въ его мысляхъ о народѣ, о нашихъ отношеніяхъ къ Европѣ, о государственности, о наукѣ. Можетъ быть намъ удастся впослѣдствіи развить болѣе подробно эту мысль, но теперь необходимо познакомиться съ тѣмъ, что въ сороковые годы волновало душу Достоевскаго и его сверстниковъ.

Безъ изученія духовнаго міра, въ которомъ необходимо живетъ писатель—произведенія и личность его будутъ всегда неясны. Мы обязаны сказать здѣсь о распространеніи у насъ идей соціализма и пожалуй коммунизма, которыя имѣли такую широкую теоретическую разработку во Франціи во время реставраціи Бурбоновъ, и при Іюльской монархіи, какъ совершенно новыя ученія объ обществѣ, и только съ февральской революціи получили возможность заявить о себѣ практическими попытками. Это-то послѣднее обстоятельство, это стремленіе соціализма къ практическому осуществленію великолѣпныхъ, но фантастическихъ грезъ, и было причиною жестокаго преслѣдованія у насъ молодыхъ мечтателей. Въ

самыхъ общихъ чертахъ, и какъ онѣ отчасти высказываются потомъ у Достоевскаго, идеи эти, вовсе не новыя, такъ какъ общественныя утопіи появляются въ каждомъ вѣкѣ, состояли въ слѣдующемъ.

Революція въ концѣ вѣка, стоившая такъ много усилій, крови, человѣческихъ жертвъ, произошла къ выгодѣ лишь одного класса въ обществѣ—средняго сословія, которое собственно и произвело ее. Этотъ фактъ въ особенности сдѣлался яснымъ послѣ іюльскаго переворота. Рабочіе классы во Франціи, а они составляютъ большинство, находились подъ гнетомъ капитала и того, что еще оставалось изъ феодальной системы, между тѣмъ какъ они-то собственно, на языкѣ соціалистовъ-теоретиковъ, и представляютъ работающихъ пчелъ въ обществѣ трутней. И вотъ мало по малу возникаетъ убѣжденіе, что всякая политическая реформа ничтожна, что она не дастъ счастья человѣку, что необходимо радикальное переустройство общества на началахъ, давно уже проповѣданныхъ Христомъ, на началахъ взаимной любви, общаго труда, нравственной связи между членами общества. Общество, посреди котораго поднимались новые пророки во Франціи, не только въ ихъ пламенныхъ діатрибахъ, но и при историческомъ знакомствѣ съ нимъ, представляло такое печальное зрѣлище, что становится понятнымъ появленіе утопистовъ. Это общество было міромъ лжи, міромъ эксплоатаціи одного общественнаго класса другимъ, матеріализма, проникавшаго до мозга костей, жажды денегъ и лишь матеріальныхъ наслажденій. Изъ-за денегъ и изъ-за этой жажды люди шли на воровство, на подкупы, на обманъ, торговали собой. Старая вѣра, которая въ средніе вѣка сдерживала эту войну всѣхъ противъ всѣхъ и была дѣйствительно нравственною связью въ обществѣ, подорванная философскою мыслью XVIII вѣка, потеряла свое значеніе, почти исчезла. Утописты, по крайней мѣрѣ лучшіе изъ нихъ, понимали эту пустоту; ихъ сердце страдало отъ нея и они думали, что возстановляютъ вѣру, основанную на любви къ человѣчеству, къ слабымъ и забитымъ, къ униженнымъ и оскорбленнымъ. Они вѣрили и учили, что въ христіанствѣ заключена глубокая зиждительная сила, что исторія есть осуществленіе христіанства, что христіанство прогрессивно и что ученіе, заключенное въ словахъ „царство мое не отъ міра сего“, есть только односторонность, что Христосъ отрицалъ только этими словами

свою земную власть какъ царя. Умирающій Сенъ-Симонъ говорилъ на смертномъ одрѣ любимому ученику своему Родригецу: „помни, что религія не можетъ исчезнуть изъ міра, что философія лишь подорвала одряхлѣвшее католичество, что вѣра измѣняется вмѣстѣ съ человѣчествомъ“. Религія, согласно ученію Сенъ-Симона, должна направить всѣ общественныя силы къ нравственному и матеріальному улучшенію самаго бѣднаго класса въ обществѣ. Это тотъ „народъ“ съ его „идеалами“, заложенными въ его душу, о которомъ такъ много рѣчей слышимъ мы въ послѣднее время. Онъ-то является носителемъ всякой правды, новымъ „распятымъ Христомъ“ на языкѣ радикально-демагогическаго аббата Ламенне. Его „Paroles d'un croyant“ и „Le livre du peuple“, своими апокалиптическими, страстными образами, своими выраженіями, проникнутыми то глубокою нѣжностью, то суровой жестокостью, сливали соціальныя ученія съ христіанствомъ. Двѣ главныя идеи пущены были въ оборотъ Сенъ-Симономъ, какъ идеи „новаго“ христіанства: это—„освобожденіе женщины“ и „искупленіе (rehabilitation) плоти“. Явился новый типъ женщины „съ гордостью женскаго запроса, съ непримиримостью цѣломудрія съ порокомъ, съ отказомъ отъ всякихъ уступокъ пороку, съ безстрашіемъ, съ которымъ невинность воздвигается на борьбу и смотритъ ясно въ глаза обидѣ“ (Достоевскій, *Дневн. Пис.* 1876 г., стр. 155); явился новый здоровый міръ человѣческихъ отношеній, чуждый того аскетизма, который такъ часто переходитъ въ развратъ, и плѣнительныя грезы человѣческаго счастья на землѣ, основаннаго на осуществленіи великаго христіанскаго принципа любви, казались возможными къ осуществленію, трудъ для этого осуществленія — увлекательнымъ. Широкія и прозрачныя, озаренныя сіяющимъ солнцемъ счастья, открывались восторженнымъ глазамъ молодыхъ мечтателей перспективы будущей жизни человѣчества.

„Исторія этого движенія (соціализма) извѣстна, говоритъ Достоевскій; оно продолжается до сихъ поръ, и кажется вовсе не намѣрено останавливаться“. Я не имѣю возможности подробно говорить о дальнѣйшемъ развитіи утопій до 1848 года, о метафизическихъ системахъ соціализма, какъ у Фурье, о практическихъ, большею частью неудачныхъ попыткахъ разныхъ утопистовъ, но считаю нужнымъ замѣтить, что вмѣстѣ съ чрезвычайно ѣдкою и вполнѣ справедливою

критикою современнаго общества, вмѣстѣ съ положительнымъ недовѣріемъ ко всякой политической реформѣ, съ презрѣніемъ представительства, съ насмѣшками надъ парламентскою борьбою, въ соціализмѣ того времени проповѣдывалось примиреніе даже съ диктатурою и со всякою абсолютною властью, лишь бы она взялась за осуществленіе утопій. Соціализмъ готовъ всегда пожертвовать личною свободою человѣка въ пользу всякой сильной власти, забывая, что подобная жертва ведетъ къ паденію общества. Проповѣдывалось утопистами также, и естественно должно было проповѣдываться, по логикѣ идеи, недовѣріе къ цивилизаціи и наукѣ, выработанной вѣковыми усиліями человѣчества. Это явленіе въ сочиненіяхъ соціальныхъ утопистовъ не разъ повторяется со времени знаменитаго отвѣта Ж. Ж. Руссо на вопросъ, заданный Дижонскою академіею. На что была цивилизація утопистамъ, когда они были увѣрены, что она не приноситъ счастья, что она не развиваетъ нравственности, что не даромъ ея какъ огня боятся дикіе народы, когда имъ приходится сталкиваться съ европейцами, что этотъ наносный европеизмъ есть несчастье для народа, который въ своемъ естественномъ состояніи гораздо богаче добродѣтелями и высокими человѣческими чувствами, чѣмъ проникнутое ложью европейское общество. Цивилизація и наука годятся только для богатыхъ. Объ успѣхахъ ихъ хлопотать не стоитъ. За то для массы, въ фантастическихъ грезахъ Фурье напримѣръ, разомъ и даромъ раскрывались тайны неслыханнаго счастья, на работу для котораго призывалось человѣчество. Національныя границы падали; народъ поглощался океанскою волною человѣчества и призваніе утописта было стать *все - человѣкомъ*. Тогда и назначеніе русской народности, напр. по словамъ Достоевскаго, будетъ „стремленіе въ конечныхъ цѣляхъ ея ко всемірности и всечеловѣчности".

Въ ту эпоху соціализма, о которой говоримъ мы, соціальныя ученія увлекали лучшихъ людей въ Европѣ, да и не могли не увлекать, представляя такую возвышенную цѣль для стремленій. Тогдашніе пророки соціализма невольно возбуждали къ себѣ сильныя симпатіи своею глубокою преданностью ученію, для котораго они готовы были на страданія и дѣйствительно страдали, неумолимымъ логическимъ упорствомъ и возвышенными нравственными личностями, какъ у Фурье. Но увлекавшіеся въ Европѣ были люди науки,

философской думы, или принимавшіе участіе въ государственной жизни. Для нихъ утопія переработалась въ положительное знаніе или способствовала тому, что на трибунѣ и въ палатахъ, при гласномъ обсужденіи, имъ удалось провести мѣры, помогавшія дѣйствительному благосостоянію народа. Въ Европѣ увлеченіе соціальными теоріями принесло пользу, оно поколебало рутину и въ экономическій міръ прошли новые элементы. У насъ причины распространенія въ молодомъ интеллигентномъ поколѣніи соціальныхъ идей того времени были конечно иныя, но не менѣе дѣйствительныя, имѣвшія свой raison d'être. Главная и существенная причина, употребляя выраженіе самаго Достоевскаго, это „отсутствіе высшихъ цѣлей въ жизни", а тутъ разомъ давалась такая высокая цѣль для нея, что духъ захватывало. Правда Достоевскій объясняетъ это увлеченіе у насъ крайними теоріями европейскими тѣмъ обстоятельствомъ, что это было „отрицаніе Европы" и ея культуры, будто-то намъ ненавистной съ самаго Петра, чуждой во многомъ, слишкомъ во многомъ русской душѣ, что это былъ естественный и законный протестъ", протестъ во имя руссизма (*Дневн.* 1876, стр. 158), но едвали это такъ. Соціальныя теоріи были продуктомъ длинной европейской же исторіи, необходимымъ звѣномъ въ ея развитіи; ихъ первоначально рѣзкій характеръ сгладился; ихъ содержаніе не пропало даромъ, а принесло пользу; ихъ отрицаніе имѣло положительные результаты. Нѣтъ, не эти причины способствовали у насъ увлеченію соціализмомъ въ сороковые годы. „У насъ—русскихъ, двѣ родины: наша Русь и Европа", говоритъ самъ Достоевскій. „Естественно, что могучія имена и вліятельныя идеи Европы „переманили отъ насъ, изъ нашей вѣчно создающейся Россіи, слишкомъ много думъ, любви, святой и благородной силы порыва, живой жизни и дорогихъ убѣжденій" (*тамъ же*, 149). Молодое поколѣніе сороковыхъ годовъ, въ которомъ тогдашнее воспитаніе преднамѣренно вытравливало эту „святую и благородную силу порыва" и сознательно бросало въ грубый матеріализмъ, въ погоню за наживой и карьерой, охраняемое бдительной цензурой, лишенное возможности какой либо удовлетворявшей сердце и полезной дѣятельности, надломленное, больное и тоскующее, разорванное съ отцами, ушедшими въ Сибирь за свой либерализмъ или придавленными и прижатыми до нѣмоты, должно была съ жад-

ностью броситься въ эти теоріи, сулившія ни болѣе ни менѣе какъ благо цѣлаго человѣчества. У насъ это былъ не тотъ разъѣдающій, горькій соціализмъ, который носитъ въ душѣ озлобленный парижскій рабочій; это было мирное, кабинетное занятіе весьма любопытными теоріями, которыя въ ту пору едва ли могли найти какое либо примѣненіе на русской почвѣ. Достаточно замѣтить, что на вечерахъ у Петрашевскаго, рядомъ съ обсужденіемъ соціальныхъ теорій, чтеніемъ и разборомъ системы Фурье напримѣръ, шли уже чисто *либеральные* разговоры о табели о рангахъ, о цензурномъ гнетѣ, объ освобожденіи крестьянъ, о преобразованіи судопроизводства, т. е. о судѣ присяжныхъ, о гласности въ печати, какъ необходимомъ условіи всяческаго успѣха въ странѣ, вообще о „тогдашнемъ положеніи“, какъ выражается Достоевскій. Соціализмъ къ этимъ *либеральнымъ* вопросамъ остается вполнѣ равнодушенъ. Соціализмъ кромѣ того являлся запретнымъ, а потому сильно возбуждающимъ плодомъ; Европа занималась имъ очень сильно, именно въ тѣ годы, о которыхъ мы говоримъ. „У насъ, говоритъ Достоевскій, не смотря ни на какихъ Магницкихъ и Липранди, еще съ прошлаго столѣтія, всегда тотчасъ же становилось извѣстнымъ о всякомъ интеллектуальномъ движеніи въ Европѣ и тотчасъ же, изъ высшихъ слоевъ нашей интеллекціи передавалось и массѣ хотя чуть-чуть интересующихся и мыслящихъ людей“ (*Дневн.* 1876 г. стр. 152).

Такъ было и съ соціальными теоріями сороковыхъ годовъ, вызвавшими преслѣдованіе власти лишь тогда, когда послѣ революціи 1848 года соціализмъ превратился въ политическое движеніе и французское правительство стало считаться съ нимъ какъ съ силою. До тѣхъ поръ это были лишь увлекательныя мечты о человѣческомъ счастьи, то „новое слово“, котораго жаждало тоскующее и больное поколѣніе. Мысль, не смотря на запреты, проходила и дѣлала свое дѣло. Еще въ тридцатыхъ годахъ между студентами Московскаго университета явились послѣдователи церкви сенъ-симонистовъ, какъ она образовалась въ rue Monsigny Неизвѣстно на сколько тѣ молодые люди проникнуты были новымъ ученіемъ, на сколько они вѣрили въ сенъ-симонизмъ, но конечно съ жадностью читали книги съ неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ содержаніемъ, увлекались страстною преданностью идеѣ о благѣ человѣчества послѣдователей Сенъ-Симона и въ подражаніе

имъ, въ угоду естественности, отпускали длинные волосы и бороды. То были внѣшніе признаки сенъ-симонистовъ и потому собственно такъ и преслѣдовались. Московскіе сенъ-симонисты пострадали. Не прошло однако и десяти лѣтъ, какъ соціальныя теоріи нашли множество послѣдователей въ Петербургѣ. Ученіе Сенъ-Симона смѣнилось теперь болѣе развитою, хотя нѣсколько дикою по терминологіи и метафизикѣ системою Фурье; его сочиненія и послѣдователей его, особенно декламаціи Пьера Леру изучались, комментировались, дебаттировались. Разумѣется весь этотъ кругъ идей никоимъ образомъ не могъ проникнуть въ печатное слово, а если и проникалъ, въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ (напр. „Карманный Словарь иностранныхъ словъ *Кирилова*, СПБ. 1849), то явленіе это было контрабандою. Эти „новыя идеи въ Петербургѣ ужасно нравились, казались въ высшей степени святыми и нравственными и главное—общечеловѣческими, будущимъ закономъ всего безъ исключенія человѣчества. Мы еще за долго до Парижской революціи 1848 года были охвачены обаятельнымъ вліяніемъ этихъ идей" (Достоевскій въ *Дневн.* „Гражданина" 1873 года, стр. 1351). Въ своихъ позднѣйшихъ, къ сожалѣнію весьма краткихъ воспоминаніяхъ объ этомъ любопытномъ періодѣ своей жизни, Достоевскій вноситъ уже ретроспективную критику этихъ теорій. Онъ говоритъ напримѣръ о „презрѣніи къ отечеству, какъ къ тормазу во всеобщемъ развитіи" въ тогдашнихъ увлеченіяхъ; напротивъ, намъ кажется, что въ этомъ увлеченіи была своего рода любовь и къ отечеству и къ своему народу; увлекающіеся смотрѣли тогда на свой народъ, какъ на такой, которому, по условіямъ его быта, всего ближе и удобнѣе осуществить идею общечеловѣчности, послужить всему человѣчеству,—мысль высказываемая какъ кажется и самимъ Достоевскимъ въ концѣ его жизни.

Мы не знаемъ какимъ образомъ Достоевскій познакомился съ соціализмомъ. Самъ онъ разсказываетъ, что въ идеи тогдашняго теоретическаго соціализма „во *всю* правду этого грядущаго обновленнаго міра" онъ былъ уже въ 1846 году *посвященъ* Бѣлинскимъ. Едва ли это такъ. Въ большой біографіи критика мы не находимъ упоминанія объ отношеніяхъ его къ соціализму, съ которымъ онъ конечно былъ знакомъ, да и не могъ не быть знакомымъ, принадлежа къ числу образованнѣйшихъ людей Россіи и живя въ тѣсномъ кругу

самыхъ даровитыхъ и развитыхъ, весьма немногочисленныхъ друзей. Что онъ любилъ Россію и страстно желалъ ея счастія не мечтательнаго, а дѣйствительнаго, не на словахъ, а на дѣлѣ,—доказательствомъ служатъ всѣ его сочиненія. Вопросы, которые занимали его въ эти мрачные, послѣдніе годы его жизни, были тѣ, которые стояли на очереди и нашли болѣе или менѣе полное разрѣшеніе въ послѣднее приснопамятное царствованіе, вопросы, къ большинству которыхъ соціализмъ равнодушенъ; это были „рядомъ съ освобожденіемъ слова и печати, отмѣна крѣпостнаго права, улучшеніе суда, расширеніе образованія, освобожденіе личности, освобожденіе женщины отъ тѣхъ наиболѣе грубыхъ стѣсненій, какія ее окружали" и т. д. (*Пыпинъ А. Н.*, Бѣлинскій, 2, 345). Для Бѣлинскаго, во всю его жизнь, умственный прогрессъ, на которомъ лишь основываются и нравственные успѣхи общества, былъ всего дороже. Въ извѣстномъ письмѣ его къ Гоголю по поводу „Переписки съ друзьями"—мы не найдемъ соціализма. При томъ, по свидѣтельству самаго Достоевскаго, онъ очень скоро разошелся съ Бѣлинскимъ, хотя и не объясняетъ причинъ разлада: была вѣроятно и значительная разница въ убѣжденіяхъ. Эта разница сказалась именно въ соціальныхъ взглядахъ: „Посмотрите на Ж. Зандъ, пишетъ Бѣлинскій въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ писемъ, въ тѣхъ ея романахъ, *гдѣ рисуетъ она свой идеалъ общества*: читая ихъ думаешь читать переписку Гоголя" (*тамъ же*, 320). А для Достоевскаго Ж. Зандъ была учительницею. „Она принадлежала всему движенію, а не одной лишь проповѣди о правахъ женщинъ.... Это одна изъ самыхъ ясновидящихъ предчувственницъ болѣе *счастливаго будущаго, ожидающаго человѣчество*, въ достиженіе идеаловъ котораго она бодро и великодушно вѣрила всю жизнь, и именно потому, что сама, въ душѣ своей, способна была воздвигнуть идеалъ. Сохраненіе этой вѣры до конца обыкновенно составляетъ удѣлъ всѣхъ высокихъ душъ, всѣхъ истинныхъ человѣколюбцевъ.... Она основывала свой соціализмъ, свои убѣжденія, надежды и идеалы на нравственномъ чувствѣ человѣка, на духовной жаждѣ человѣчества, на стремленіи его къ совершенству и къ чистотѣ, а не на муравьиной необходимости" (*Дневн.* 1876 г., стр. 155—156).

Со всѣмъ пыломъ души, на который способна только молодость, Достоевскій и его товарищи отдались этому за-

хватывающему содержанію новыхъ идей. Все толкало ихъ въ очарованный кругъ: окружающее ихъ безправіе, ложь въ обществѣ и господство фразы, задавленное слово, ничтожество и фальшивая реторика воспитанія и ученія, изобилующаго фразами о направленіи, а не сущностью, не знаніемъ, господство кулака и гнетъ надъ крѣпостными, казнокрадство и взятки и т. д. Это были убѣжденные, страстно преданные идеѣ люди. „Мы, Петрашевцы, говоритъ Достоевскій, стояли на эшафотѣ и выслушивали нашъ приговоръ безъ малѣйшаго раскаянія. Безъ сомнѣнія я не могу свидѣтельствовать обо всѣхъ; но думаю, что не ошибусь, сказавъ, что тогда, въ ту минуту, если не всякій, то по крайней мѣрѣ чрезвычайное большинство изъ насъ, почло бы за безчестье отречься отъ своихъ убѣжденій.... То дѣло, за которое насъ осудили, тѣ мысли, тѣ понятія, которыя владѣли нашимъ духомъ—представлялись намъ не только не требующими раскаянія, но даже чѣмъ то насъ очищающимъ, мученичествомъ, за которое многое намъ простится"! (*Дневн.* въ Гражд. 1352). Такая сила убѣжденій и такая преданность возможны только тогда, когда душа исполнена идеаломъ и вѣрою. Можно согласиться съ Достоевскимъ, что въ стремленіяхъ этой погибшей тогда молодежи было весьма мало русскаго и народнаго, но виновата ли она за свое полное безсиліе, за полную невозможность служить бодро и дѣятельно родной странѣ? По неволѣ приходилось гоняться за общечеловѣческимъ когда своей работы не было. Одинъ изъ товарищей Достоевскаго, весьма талантливый поэтъ, въ небольшой, вышедшей въ 1846 году книжкѣ своихъ стихотвореній, которыя потомъ не перепечатывались имъ (А. И. Плещеевъ), прямо говоритъ о своемъ поэтѣ, который по словамъ тогдашняго пророка молодаго поколѣнія французскаго поэта Ог. Барбье, долженъ быть „un protestant sublime du droit et de l'humanité":

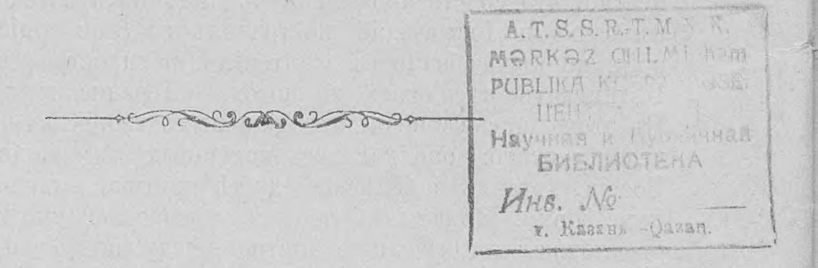
„Но простодушно вѣрилъ онъ,
Что не напрасны тѣ стремленья
И прозрѣвалъ онъ въ отдаленьи
Священной истины законъ.
Ему твердили съ укоризной
Что не любилъ онъ край родной:
Онъ міръ считалъ своей отчизной
И человѣчество семьей!

И ту семью любилъ онъ страстно,
И для ея грядущихъ благъ
Истратить былъ готовъ всечасно
Избытокъ юныхъ силъ въ трудахъ".

Мы не станемъ говорить о томъ, какъ и чѣмъ заплатили эти русскіе юноши за свои „общечеловѣческія увлеченія", потому что имѣемъ лишь дѣло съ Достоевскимъ и его сочиненіями, стараемся объяснить ихъ смыслъ. Смерть этого писателя вызвала въ печати нѣсколько воспоминаній, нѣсколько подробностей о забытомъ и темномъ политическомъ процессѣ такъ называемыхъ „Петрашевцевъ", но до сихъ поръ вполнѣ неясно что собственно было въ немъ политическаго. Какъ извѣстно и Достоевскій пострадалъ за свои соціальныя теоріи, но въ особенности за чтеніе и распространеніе письма Бѣлинскаго къ Гоголю по поводу „Переписки" послѣдняго. Въ этомъ письмѣ не было соціальныхъ теорій, ничего общечеловѣческаго; оно касалось насущныхъ, кричащихъ нуждъ Россіи, хотя въ наболѣвшей душѣ критика вылилось въ рѣзкую форму. Замѣтимъ, что это злосчастное письмо распространилось тогда также быстро между читающей и думающей Россіей, конечно въ молодомъ ея поколѣніи, какъ за двадцать пять лѣтъ до того времени Грибоѣдовская комедія. Возможно ли было не интересоваться содержаніемъ послѣдняго произведенія только что умершаго всѣми уважаемаго учителя, въ которомъ онъ высказывалъ самыя задушевныя мысли свои и высказывалъ въ упрекъ величайшему художественному таланту родины?

Для Достоевскаго настало время заточенія, каторжной работы, жизни посреди „погибшаго народа" (tra la perduta gente у Данта), тяжелой солдатской службы, лишенной всякихъ правъ, одиннадцать лѣтъ страданія, невозможныхъ оскорбленій человѣческой личности, уединенной мрачной думы и усилившихся нервныхъ припадковъ, естественно отразившихся на его творчествѣ. Но „ни что не сломило насъ и наши убѣжденія лишь поддерживали нашъ духъ сознаніемъ исполненнаго долга"—говоритъ онъ самъ. Въ эту пору и совершился въ немъ „возвратъ къ народному корню" и назрѣли тѣ послѣднія его сочиненія и тѣ думы, часто полныя противорѣчій, которыя окружили его имя чрезвычайною популярностью. Изложеніе этого втораго и весьма важнаго пе-

ріода литературной дѣятельности Достоевскаго, особенно по ея непосредственнымъ отношеніямъ къ находящейся въ полномъ броженіи современной мысли, требуетъ гораздо больше труда и гораздо больше времени, чѣмъ то, которымъ я теперь расп лагаю. Замѣчу только, что по поводу отношенія его послѣднихъ сочиненій къ тяжелой жизни въ Сибири имъ пережитой, часто говорилось, да и самъ Достоевскій нѣчто подобное высказывалъ, о какомъ-то *примиряющемъ* дѣйствіи каторги. Но „кого, когда исправила каторга? спрашиваетъ онъ же. Не ожесточится ли душа, не развратится ли, не озлобится ли на вѣки“? (*Дневн.* 1876 г. стр. 315—316).

Продается у Казанскихъ книгопродавцевъ: А. А. Дубровина и К. П. Алексѣева.

Цѣна 40 коп.